ДМИТРИЙ ОЛЬКОВ

БАТЯ В ШОКЕ

Семь лет от УЗИ до первого класса

Дмитрий Ольков

Батя в шоке. Семь лет от УЗИ до первого класса

https://litres.ru/75028012
SelfPub; 2026

Аннотация

Я думал, что к появлению ребёнка можно подготовиться. Оказалось, что нельзя. И инструкцию никто не выдаёт.

«Батя в шоке» — семь лет жизни обычной семьи глазами отца. От первого УЗИ и роддома до детского сада и первого класса. Здесь нет идеальных родителей, зато есть детские хитрости, семейные споры, неожиданные открытия и ситуации, над которыми остаётся только смеяться.

Всё написанное происходило на самом деле. Придумывать не пришлось. Дети с этим справляются гораздо лучше взрослых.

Содержание

От автора 6
Часть 1 8
Глава 1 9
Глава 2 12
Глава 3 16
Глава 4 19
Часть 2 22
Глава 5 22
Глава 6 24
Глава 7 26
Глава 8 29
Глава 9 32
Часть 3 34
Глава 10 35
Глава 11 38
Глава 12 40
Глава 13 42
Глава 14 45
Глава 15 47
Глава 16 49
Глава 17 51
Глава 18 54
Глава 19 57

Глава 20 60
Глава 21 62
Глава 22 64
Глава 23 66
Глава 24 68
Часть 4 70
Глава 25 70
Глава 26 73
Глава 27 75
Глава 28 77
Глава 29 79
Глава 30 81
Глава 31 83
Глава 32 84
Глава 33 87
Часть 5 91
Глава 34 91
Глава 35 93
Глава 36 95
Глава 37 97
Глава 38 100
Глава 39 102
Глава 40 104
Глава 41 106
Глава 42 109
Глава 43 111

Глава 44 114
Часть 6 116
Глава 45 116
Глава 46 118
Глава 47 120
Глава 48 123
Глава 49 125
Глава 50 127
Глава 51 129
Глава 52 131
Глава 53 134
Глава 54 136
Часть 7 138
Глава 55 138
Глава 56 140
Конец ознакомительного фрагмента. 143

Дмитрий Ольков
Батя в шоке. Семь лет от УЗИ до первого класса

От автора

Когда родилась Полина, я начал записывать.

Не потому, что писатель. А потому, что иначе не верилось, что всё это происходит со мной.

Так появился «Батя в шоке». Сначала заметки для себя. Потом для тех, кто читал. Потом читателей стали десятки тысяч. А я всё так же писал про одно и то же. Про то, как живут под одной крышей папа, мама, дочка, кошка. И с какого-то момента собака.

Здесь семь лет. От человека на мониторе УЗИ до первого класса.

И ещё. Я пишу эту книгу, уже зная, что было дальше. Поэтому иногда не удержусь и забегу вперёд. Такие места выделены курсивом. Это я из будущего. Можно не обращать внимания. Но лучше обращать.

Кто есть кто.

Я — Дима. Батя. Всю жизнь в общепите. Мечтаю полежать на диване. Чинить вещи не умею. Косячу регулярно. Даже

когда очень стараюсь. Особенно когда стараюсь.

Ксюша — жена. Любит порядок. В спорах чаще всего права. И почти всегда на стороне дочери.

Полина — дочь. Хитрая. Логичная. Торгуется за конфеты. И сдаёт родителей при первой возможности. А в свободное время учит жизни всех вокруг.

Анфиса — британская кошка. Старше Полины. Тиран дома.

Ламба — джек-рассел. Появилась, когда её никто не просил. Кроме меня.

Всё, что здесь написано, было на самом деле. Что-то я пересказал заново. Что-то сократил. Но придумывать не пришлось. Дети придумывают лучше.

Если вы родитель — вы себя узнаете.

Если ещё нет — ну, считайте, что вас предупредили.

Часть 1
«Я рожаю!»

До рождения дочери я думал, что готов. Эта часть о том, как быстро выяснилось обратное. УЗИ, роды, три дня под дверью роддома и первая ночь дома. Папа: повар, кручу роллы. Машины нет. Диван — просто диван. Потолочный плинтус обещан жене уже третий год.

Глава 1
Человек на мониторе

Каждый мужик хочет сына. Это не я придумал, это где-то записано. Продолжатель рода, наследник, будущий напарник по гаражу. Гаража у меня не было, но сына я хотел.

Жена хотела дочь. Принцессу.

Мы очень долго ждали ребёнка. Так что спорить всерьёз было не о чем. Спорили для порядка.

На УЗИ поехали ранним утром. Дорога длинная. Очередь

тоже длинная, хотя записывались по времени. Обычно меня такое злит. В тот день не злило ничего. Я сидел в коридоре, смотрел на дверь кабинета и улыбался.

Наконец позвали.

Жена легла на стол. Я сел рядом на кушетку. Врач взяла датчик и начала водить им по животу.

Я думал, что в голове будет буря. Что я буду представлять, как учу сына кататься на велосипеде, а дочь заплетать косички, хотя не умею. Ничего подобного. В голове было пусто и тихо.

А потом кабинет наполнился стуком.

Частым-частым. Как будто кто-то очень маленький очень быстро куда-то бежит.

Врач сказала, что это два сердца стучат. Мамино и ещё одно. Показала сосуды, что-то измерила, кивнула. Всё хорошо.

Я слушал этот стук и боялся пошевелиться. Мне казалось, если скрипнет кушетка, он собьётся.

Но главный вопрос так и висел в воздухе. Кто там?

Врач закончила, вытерла датчик и сообщила, что приём окончен. Если хотим узнать пол, получить фото и видео — это отдельно. Платно.

Вот так. Пятнадцать минут чуда бесплатно, а дальше, будьте любезны, касса.

Деньги, к счастью, были с собой. Две тысячи четыреста рублей. Я отдал бы и больше. Хорошо, что врач этого не знала.

— Девочка.

Ну вот. А я хотел сына.

И знаете что? Счастью не было предела. Я даже не успел расстроиться. Как-то сразу понял, что сын был теоретический, а дочь — вот она. Настоящая. На мониторе.

Имя мы придумали задолго до этого дня. Если девочка, то Полина. Так что с Полиной Дмитриевной я познакомился в тот же момент, когда узнал о её существовании.

Домой мы ехали с фотографией. Чёрно-белое пятно, какие-то цифры, стрелочка. Кто-то назвал бы это головастиком. Я назвал бы тоже. Но держал я эту фотографию двумя руками. Как свидетельство о собственности.

Жена посмотрела на меня и сказала:

— Ну что, папа?

А я ещё не умел быть папой. Я умел только сидеть на кушетке и не скрипеть.

Привет из будущего. Сидеть тихо я так и не научился. А быть папой учусь до сих пор. Конспект перед вами.

Глава 2
Два слова в три часа ночи

Мужчина должен быть готов к родам жены. Я был готов. Сумка в роддом месяц стояла у двери. Роддом выбран. Телефон заряжен. Ни один пункт этого плана не сработал.

Третье июня. Два часа пятнадцать минут ночи. Тридцать девятая неделя.

У жены начались схватки.

Я сел на кровати и сразу понял две вещи. Первая: началось. Вторая: я не водитель. Ни машины, ни прав. Есть сумка у двери и жена, которая смотрит на меня так, будто сейчас я должен сделать что-то правильное.

Я сделал. Позвонил в скорую.

Три минуты гудков. Кто ждал ответа диспетчера посреди ночи, тот знает: это не три минуты. Это примерно полжизни. Я успел обойти квартиру, проверить сумку, ещё раз обойти квартиру и мысленно поседеть.

Наконец ответили. Дальше был мой монолог. Связным его не назовёшь. Диспетчер, кажется, разобрала только адрес. Зато я разобрал главное: скорая — не такси. В наш выбранный роддом не повезут. Повезут в дежурную больницу.

Ладно, подумал я. Фиг с ним. И положил трубку.

Посмотрел на жену. Посмотрел на телефон. Вызвал такси.

Машина приехала через три минуты. Через десять минут

после звонка мы стояли на пороге роддома. Того самого, выбранного. Быстрее скорой и без лишних вопросов.

Жену забрали врачи. Я сел на мягкую кушетку в коридоре и выдохнул. Всё. Ответственность сдана. Дальше работают профессионалы.

Минут через двадцать зазвонил телефон. Диспетчер.

Врачи скорой стоят у нашего подъезда и не могут попасть внутрь.

Про скорую я забыл. Совсем. Вычеркнул её из жизни в ту секунду, когда сел в такси. А она, честная, приехала. И стояла сейчас перед закрытой дверью подъезда, за которой уже никто не рожал.

Дальше было ожидание. На партнёрские роды я не собирался, врачи ничего не объяснили, жену увели. Я почитал книгу в телефоне. Походил по коридору. Рассмотрел все фотографии новорождённых на стенах. Некоторые по два раза. Лёг на кушетку. Уснул.

В пять утра меня разбудила жена.

— Пока не рожаю. Поехали домой.

Это было разочарование века. Я морально стал отцом. Я пережил диспетчера. Я бросил скорую у подъезда. А меня отправили домой досыпать.

Вторая попытка случилась через сутки. Четвёртого июня, в девять вечера. Я был на работе. Это у кого-то рабочий день до шести. У повара в девять вечера только самое веселье.

Позвонил коллеге. Бросил всё. Сорвался домой. По доро-

ге выпил пару таблеток валерьянки. Не помогло. Видимо, валерьянку делают для обычной жизни, а не для той, где жена второй раз за сутки собирается рожать.

Во второй раз мы уже не бегали. Сумка собрана, такси у подъезда. Вышли не спеша. Опыт.

В роддоме ничего не изменилось. Те же стены. Те же фотографии новорождённых. Я их уже знал в лицо.

Через десять минут вышла медсестра.

— Сегодня будем рожать.

И вот тут внутри всё перевернулось. Столько всего надо успеть. А как пройдут роды? А что с работой? В голове каша, ложку ставить можно.

Меня отпустили почти сразу. Сказали, что я ничем не помогу.

Обидно, но правда.

Приехал домой. Принял ванну. Посмотрел телевизор. Поиграл в телефон. Поел. Походил по квартире. Посмотрел на часы.

Прошло полчаса.

Пятое июня. Три часа шесть минут ночи. Телефон.

— Родила.

Два слова. И меня отпустило. Сразу всё: и диспетчер, и скорая под дверью, и валерьянка, и эти полчаса, которые длились неделю.

Полина Дмитриевна. Сорок восемь сантиметров, два килограмма восемьсот шесть граммов.

В роддоме её сразу прозвали Дюймовочкой.

Я тогда ещё не знал, что Дюймовочка через пару лет будет командовать всей семьёй. Но, кажется, она уже знала.

Глава 3
Три дня за дверью роддома

Выписка через три дня. Три дня — это много, подумал я. Успею всё.

Успел я примерно половину. И то с трудом.

Первым делом выбил на работе срочный отпуск. Потом пошёл по магазинам. План был расписан чуть ли не по часам: украшения для квартиры, продукты, гости. Встречать дочь надо красиво.

Гостей я созвал в тот же вечер. Отметить. Вечер прошёл в тёплой дружеской атмосфере. Утро прошло с тяжёлой головой и коробкой, на которой было нарисовано, что внутри кроватка.

Внутри была не кроватка. Внутри были доски, болты и инструкция на трёх языках, ни один из которых я не понимал, хотя один был русский.

Кто это придумал? Почему нельзя продавать кроватку собранной? Ребёнок уже собранный приезжает. Кроватка могла бы тоже.

На сборку ушло четыре часа. Потом украшения. Шарики, надписи, гирлянда. Ещё час.

А потом позвонила жена и строго-настрого велела отмыть квартиру. Каждый сантиметр. Так и сказала: каждый.

Весь день я мыл. Где-то между полом и полками засыпал.

Просыпался. Мыл дальше. Квартира в тот день была чище, чем когда мы в неё въезжали.

Третий день. Выписка в 16:00.

Утром съездил по делам. Купил цветы. Собрал жене одежду. Взял конверт для дочки. За мной заехали друзья, и мы поехали в роддом.

Голова всё ещё напоминала о первом вечере. Но волнение было сильнее. В роддоме меня трясло так, что цветы в руках шуршали.

И тут из дверей вышла жена.

Накрашенная. Приодетая. Сияющая.

Я был в шоке. Три дня назад у неё был живот. А сейчас его нет. Нет, я понимал, куда он делся. Но глаза отказывались это принимать.

Мимо меня прокатили тележку. На ней что-то, укрытое пелёнкой. Укатили в кабинет. Я даже не успел понять, что это была моя дочь.

Ещё пятнадцать минут ожидания.

Потом меня позвали.

Народу собралось много. Родители, сёстры, друзья, подруги. Все что-то говорили, смеялись, фотографировали.

А потом мне в руки дали дочь.

И все исчезли. Вот просто растворились. Остались я и маленький конверт с лицом. Такого со мной не было никогда. Будто до этого я и не жил, а так, готовился. Чуть слеза не навернулась. Чуть — это я так пишу, чтобы сохранить лицо.

Вернули меня в реальность фотографы.

— Папа, встаньте левее. Папа, посмотрите в камеру. Папа, улыбнитесь.

А я не хотел смотреть в камеру. Я хотел смотреть на дочь. Камера мне ничего нового показать не могла.

Кстати, съёмка в нашем роддоме стоила 3600 рублей. За то, чтобы меня отвлекали от самого важного момента в жизни.

Домой мы поехали втроём.

В чистую квартиру. С собранной кроваткой. С шариками.

Я был уверен, что самое сложное позади.

Жена промолчала. Только улыбнулась. Она-то знала, что всё только начинается.

Глава 4
Первая ночь дома

Всё было как полагается. Цветы. Шарики. Собранная кроватка. Чистая квартира.

Дочь привезли домой, положили на диван и развернули.

И тут выяснилось, что в конверте она была удобнее.

В конверте она была как батон. Ровная, упакованная, не гнулась. А без конверта у неё обнаружились руки и ноги. И она ими махала. Во все стороны сразу. С рождения у неё был

хорошо поставленный удар. Особенно если попасть в нос. Мне попала.

Как её держать, я не понимал. Голова отдельно, спина отдельно, всё мягкое и всё куда-то валится.

Потом надо было менять подгузник.

Мы с женой переглянулись. Как два сапёра перед проводами. И пошли.

На пупке у дочки висела какая-то прищепка. Я на неё смотрел и боялся дышать. Оторвёшь случайно — и что? Что там под ней? Никто не объяснил.

Ванная у нас маленькая. Вдвоём там тесно. А по одному мы дочь «прихорашивать» ещё боялись. Поэтому прихорашивали вдвоём. Толкались локтями. Дочь орала. Жена шептала инструкции. Я выполнял их на два счёта позже.

Двадцать минут истерики. Пара седых волос. Подгузник поменян.

Пронесло.

Снова плачет.

Что? Опять подгузник?

Нет. Есть хочет.

Поела. Уснула.

Я огляделся. Квартира, которую я три дня готовил к празднику, выглядела так, будто праздник давно прошёл и все разошлись. Шарики катались под ногами. Об них спотыкались. Они уже не радовали. Они раздражали.

Один лопнул.

Дочь проснулась.

Крик. Подгузник. Еда. Сон. Крик. Подгузник. Еда.

Целый день по кругу. Как белка в колесе, только белок двое, а колесо орёт.

Наступил вечер. Время ложиться спать. Мы с женой были с этим согласны. Дочь — нет.

Первая ночь была трудной.

Я лежал, смотрел в потолок и думал только одно: долго это будет продолжаться?

Теперь я знаю ответ. Тогда мне его лучше было не знать.

Часть 2
Офигели

Первые недели. Страшно брать на руки, страшно купать, страшно остаться один на один. Мы не спим. Кошка ревнует. Инструкции к ребёнку не прилагалось.

Глава 5
Анфиса и новенькая

Анфиса живёт с нами четыре года. Британка. Умная, но вредная до жути.

Имя ей дала жена. Мне оно не понравилось, и для меня она Сосок. Так и живёт с двумя именами. Откликается на оба. Когда ей надо.

Гладить её можно только по голове и шее. Всё остальное — запретная зона. Линяет круглый год. Гостей не любит. Детей особенно: сразу забивается в дальний угол и огрызается, если её там находят.

А потом родилась Полина.

В первый же день Анфиса заглядывала в кроватку. Обнюхивала нового жильца. И всё пыталась забраться к ней, пока

та спит.

Когда мы с дочкой устраиваем воздушные ванны, кошка приходит и ложится рядом. Разглядывает. Тянет лапу. Прямой контакт мы пока не разрешаем.

Ревность тоже есть. Стоит мне сесть с дочкой, как кошка лезет на руки. Протискивается между нами. Дочь от её шерсти чихает. Кошке всё равно.

Хорошо хоть не нападает. Посмотрим, что будет, когда дочь начнёт таскать её за хвост.

А вообще я уже представляю картину. Полина в школе. Учитель задаёт сочинение «Моё домашнее животное». И дочь начинает:

«У нас есть кошка по кличке Сосок».

Привет из будущего. До школы мы дожили. Сочинение про домашнее животное пока не задавали. Жду.

Глава 6
Голова не отпадёт?

Дочь у меня на руках. Маленькая. Тёплая. Сопит.

Я балдею. Честно. Стою и балдею.

Но стоит дойти до дела, руки начинают трястись.

Страхов у меня в первые дни было ровно пять. Я их пересчитал. Делать ночью всё равно было нечего, спать не давали.

Первый — подгузник. Я не брезгливый. Какашек не боюсь. Я боюсь другого. Как поменять подгузник в одиночку, не испачкаться самому и ничего не повредить дочери? Она дёргается. Пуповина мешается. Её надо помыть, придержать голову и не уронить. Одновременно. У меня две руки. Задачи на четыре.

Второй — голова. Я всерьёз боялся, что она отпадёт. Держится же на честном слове. Шея есть, но какая-то условная.

Третий — ночь. Вдруг перевернётся на живот и уткнётся лицом в матрас. Я ночью вставал и слушал. Дышит. Ложился. Через десять минут вставал снова.

Четвёртый — кошка. Анфиса ревнует и уже пыталась залезть в кроватку. С какими намерениями — непонятно. Но вряд ли колыбельную спеть.

Пятый — слёзы. Когда дочь плачет, у меня внутри всё переворачивается. Мужики не плачут. Мужики стоят рядом с плачущим ребёнком и не знают, что делать.

Жена смотрела на меня и вздыхала. Ей тоже было страшно. Но она хотя бы держала дочь так, будто делала это всю жизнь.

Я думал, со временем страхов станет меньше.

Ага.

Их стало больше. Просто они поменялись. Голова, слава богу, держится до сих пор.

Глава 7
Три часа один на один

Рано или поздно это случается с каждым отцом. Мать уходит из дома. Ненадолго. Но одна.

Моей дочери было три недели, когда наступил этот день.

Жена была в декрете. Но её класс выпускался. Девятый. Выпускное мероприятие, пропустить нельзя. Три часа, сказала она. Всего три часа.

Боялся ли я? Да. Нервничал? Тоже да.

Перед уходом жена сцедила бутылочку молока. Поставила её как неприкосновенный запас. Поцеловала дочь. Поцеловала меня. Ушла.

Дверь закрылась. Мы остались вдвоём.

Первые четыре минуты прошли спокойно.

На пятой начались капризы. Я взял дочь на руки и пошёл гулять по квартире. Квартира после сборов жены выглядела так, будто по ней прошёлся ОМОН. Я решил заодно прибраться. Почувствовать себя на месте мамы. Ребёнок, уборка, всё успеваю.

Ничего я не успеваю. Одной рукой держишь дочь, второй собираешь вещи с дивана. Кладёшь дочь на пару минут — она плачет. Берёшь обратно — замолкает. Кладёшь — плачет.

Гиблое дело.

Ладно, решил я. Пропылесошу.

И это сработало. Пылесос гудел, дочь затихла и смотрела на него с большим уважением. Минут за десять мы вдвоём пропылесосили всю квартиру. Я пылесосил, она руководила.

Потом она заплакала и начала причмокивать губами. Даже я понял: есть хочет.

Достал бутылочку. План был такой: половину сейчас, половину потом, когда снова проголодается. План дочь не утвердила. Присосалась и выпила всё до дна. За раз.

Вот тут я занервничал по-настоящему. Молоко кончилось, а жена вернётся ещё не скоро. Что я буду делать, когда она опять захочет есть? Мне ей предложить нечего. Совсем нечего.

И тут зазвонил домофон.

Пришёл участковый педиатр. Мы его ждали. Только завтра.

Врач вошла, огляделась и задала первый вопрос:

— А где мама?

И в этот момент я сам почувствовал себя ребёнком. Будто это моя мама ушла куда-то, а я, маленький, сижу один в квартире, и тут пришла какая-то взрослая тётя и спрашивает, где взрослые.

Я собрался. Отвечал на вопросы чётко и по делу. По крайней мере, мне так казалось. Врач что-то записывала и поглядывала на меня так, как смотрят на мужчину, который остался с трёхнедельным ребёнком один. Снисходительно и даже

немного с ужасом.

Минут через пятнадцать она ушла. Дочь к этому времени уже нервничала.

Я взял её на руки, сел на фитбол и начал прыгать по комнате.

Действенная штука, скажу я вам.

Но прыгать молча было как-то несерьёзно. Надо спеть. Колыбельную. Я перебрал в голове все песни, которые знаю. Наизусть я знал только одну. «Катюшу».

Полчаса я прыгал на большом резиновом шаре и пел про Катюшу. По кругу. Куплет за куплетом, и снова с начала.

Дочь уснула. На каком куплете — не знаю. Я на всякий случай допел.

Скоро вернулась жена.

Я никогда в жизни так не радовался, что кто-то пришёл домой.

Жене я доложил: справился. Про «Катюшу» на всякий случай умолчал.

Заметьте: про диван я тогда даже не вспомнил. Запала было столько, что хватило бы на троих пап. Хватило примерно на год.

Глава 8
Квест «Поликлиника»

Первый поход в поликлинику с месячным ребёнком. Скажу сразу, чтобы вы не ждали хорошего конца: это жесть.

Собирались мы как в экспедицию. Пелёнки. Подгузники. Соска. Салфетки. Полис. Ещё раз пелёнки. Суета перед выходом была такая, что настроение испортилось у всех троих ещё в прихожей.

По плану четыре кабинета. УЗИ, невролог, педиатр, стоматолог. Всё по времени, с промежутком в двадцать минут. Народу немного. Казалось бы, что может пойти не так.

Дочь начала орать на входе и закончила на выходе. Без перерыва.

Первое, что я заметил: пап там нет. Ни одного. Только мамы. Есть комната матери и ребёнка, куда маме можно, а мне по понятным причинам нельзя. А маме как раз нужна была помощь. Я стоял под дверью и чувствовал себя сумкой, которую оставили у входа.

Первым было УЗИ. Самое тяжёлое.

Дочь кричит. Врач водит датчиком, молчит, иногда называет какие-то цифры. Мы не понимаем ни одной. А в конце, между делом, сообщает, что в голове что-то нашлось. С названием, от которого у меня ушла земля из-под ног.

Что это, она объяснять не стала. Сказала, невролог по-

смотрит и всё расскажет.

До невролога мы дошли уже на изжоге.

В очереди сидели минут десять. Мимо проходили мамочки и умилялись. Мимо проходили бабушки и давали советы. Все. Без исключения.

— Шапку с глаз убери, мешает же.

— Да сними ты шапку вообще, тепло.

— Держишь неправильно.

— Ой, что-то детей сегодня много.

— Титьку дайте, видите же, нервничает.

Последнее было мне. Я не нашёлся, что ответить.

Невролог оказалась очень разговорчивой женщиной. Говорила много, быстро и про всё. Вытащить из этого потока хоть каплю понятной информации было почти невозможно. Но я вытащил. То, что нашли на УЗИ, — не страшно. Через полгода повторить, скорее всего, пройдёт.

Всё хорошо. Но это не точно.

Пошли к педиатру.

Педиатр добавила своё. Желтуха не прошла. Есть аллергия. И что-то в сердце, что при рождении должно было закрыться, а не закрылось. Через полгода тоже должно пройти. Выписала гору лекарств. Сказала не переживать.

Всё хорошо. Но это не точно.

Остался стоматолог. Мы шли туда уже как на приговор. Месячный ребёнок. Стоматолог. Какие у неё могут быть проблемы, у неё же зубов нет.

Оказалось, могут. Короткая уздечка. Надо подрезать. Процедура простая, бояться нечего.

Всё хорошо. Но это не точно.

Домой мы шли молча. Все трое. Дочь — потому что наконец уснула. Мы — потому что говорить было нечего.

За один день наш здоровый ребёнок получил список диагнозов длиннее, чем у меня за всю жизнь. И каждый — с приговором «через полгода пройдёт».

А через полгода нам велели прийти снова. Почти во все те же кабинеты.

Но это уже совсем другой квест.

Глава 9
Спать захочешь — приходи

Купание у нас — главная радость в жизни. Пока только у дочери.

Купаем в одно и то же время. В пелёнке. Так советовали. Из этих двух вещей сам собой сложился ритуал.

И у Полины, кажется, заработали внутренние часы. Время подходит — у неё поднимается настроение. На лице появляется хитрая улыбка. Она ещё не умеет держать голову, но уже знает, что через десять минут будет хорошо.

Самое прекрасное начинается, когда её заворачивают в пелёнку. Всё, она поняла. Сейчас будет вода. Сучит ногами, гулит, сияет.

Мне бы так радоваться понедельнику.

Само купание проходит спокойно. Без восторгов. Она лежит в ванночке и балдеет. А вокруг суетятся двое взрослых. Один держит. Второй поливает. Оба потные. Кто здесь главный — вопрос не стоит.

Беда начинается после.

Полтора-два часа дочь не спит. Капризничает. Есть не хочет. На руки не хочет. Лежать не хочет. Чего хочет — не говорит. Не умеет ещё.

Я её качаю. Жена её качает. Я снова качаю.

На второй час мне очень хочется положить её в кроватку

и сказать:

— Полина, короче. Спать захочешь — приходи.

Не сказал. Она бы всё равно не пришла. Ходить она тоже пока не умеет.

Часть 3
Инструкция не прилагалась

Учимся жить заново. Сон по расписанию дочери, дни, которые слились в один, самоизоляция и деревня. Жена путает ребёнка с подушкой. А я учусь быть тем, кому можно оставить дочь на целый день.

Глава 10
Потерял дочь в собственной комнате

Это было самое страшное утро в моей жизни. И длилось оно минуты три.

В выходные у меня есть правило. Дать жене поспать. Дочь просыпается часов в семь. Я её забираю, и мы тихонько уходим в зал. Жена спит. Все довольны.

Так было и в тот раз.

Повалялись на диване. Я включил телевизор. Дочь положил на ковёр, обложил игрушками. Обычно одним делом она занята не дольше получаса. Но мне полчаса как раз хватает, чтобы прийти в себя.

Приходил я в себя с закрытыми глазами.

Нет, я не спал. Я медленно моргал. Очень медленно. Иногда минут по десять. Открою глаза — дочь на ковре, играет. Закрою. Открою — играет. Закрою.

Открыл.

Ковёр есть. Игрушки есть. Дочери нет.

Ну, думаю, жена проснулась. Забрала покормить. Логично.

На всякий случай заглянул в спальню.

Жена спала. Одна. Раскинувшись на всю кровать в гордом одиночестве.

Вот тут меня прошибло.

Я начал метаться по квартире. Из угла в угол. Из комнаты в комнату. Тишина. Ни звука, ни писка. Гробовая тишина и я, который шуршит по квартире с вытаращенными глазами.

И ведь не позовёшь. Она не откликнется. Ей полгода.

Сколько это длилось, не знаю. Мне показалось — вечность. По часам, наверное, пара минут.

И тут из-за дивана раздался писк.

Я туда. А она лежит. Балдеет. Тянется к кошке, которая забилась в самый угол за диваном и смотрит оттуда с ужасом.

Кошку я понимал. Мне тоже было страшно.

Оказалось вот что. Я пять дней был на работе. За эти пять дней дочь научилась ползать. Не на двадцать сантиметров, как раньше. А по-настоящему. Далеко. Через всю комнату и за диван.

Меня об этом никто не предупредил.

Весь оставшийся день она пыталась уползти в тот же угол. Видимо, надеялась снова найти там кошку.

А я с того дня больше не моргаю медленно.

Некогда.

Глава 11
Бабушка плачет, дед смеётся

Гости у нас не редкость. И на каждого дочь реагирует по-своему. На одного смотрит с удивлением. К другому тянется потрогать. Третьего сторонится. А на кого-то может и заплакать, если человек ей не понравился.

Взрослые тоже не всех рады видеть. Просто взрослые умеют держать лицо. Дочь в семь месяцев держать лицо не умела.

Чаще всех к нам приезжала бабушка.

И каждый раз дочь встречала её слезами.

Бабушка заходит, дочь видит её, нижняя губа медленно выезжает вперёд. Как ящик комода. Пауза. И рёв.

Бабушка начала обижаться. Родная внучка не признаёт. И бабушка стала хитрить. Брала дочь на руки только со спины. Чтобы взгляды не пересекались. Так хоть удавалось её потискать и поносить, пока та не поняла, кто именно её носит.

А потом в гости приехал дед. Отец жены. Это была их вторая встреча за семь месяцев.

И дочь его приняла как родного. Как будто всю жизнь ждала. Сначала разглядывала. Потом заулыбалась. А потом сама потянулась обниматься. Такого не было ни с кем.

Мы рассказали деду, что бабушку внучка не воспринимает, а к нему вот сразу на шею. И дед раскрыл секрет.

Оказывается, вся разница в том, как заходить.

Бабушка заходит как праздник. С порога, в пальто, холодная с улицы, сразу к внучке. Поцелуи, обнимашки, восторг на всю квартиру. Не успев раздеться.

Дед заходит как разведчик. Тихо. Раздевается. Идёт мыть руки. Отогревается. Даёт на себя посмотреть. Ребёнок привыкает, понимает, что этот большой человек не опасен. И только потом дед начинает с ней здороваться.

Просто как всё гениальное.

Мы пересказали это бабушке по телефону. Она выслушала. Посмеялась. Сказала, что всё поняла и сделала выводы.

Приехала в гости.

С порога, в пальто, холодная, с поцелуями, обнимашками и восторгом на всю квартиру.

Нижняя губа. Пауза. Рёв.

Дедовский метод бабушке, видимо, не подходит. У неё свой. Он не работает, но он свой.

Глава 12
Не тот адрес

Все родители знают этот момент. Ребёнок во сне ищет своё сокровище. Чтобы подкрепиться.

Меня это всегда удивляло. Спишь — спи. Но нет, надо поесть. Даже не просыпаясь. Как дети умудряются спать и есть одновременно? А если не находит — плачет. Тоже во сне.

Каждый вечер после работы я ложусь рядом с дочкой. Чтобы жена могла спокойно сходить в душ и попить чай. И почти каждый вечер одна и та же картина.

Дочь спит посередине кровати звездой. Похрапывает. И вдруг резко оказывается на боку. И начинает рыскать. Рот открыт, голова крутится. Слепой крот в поисках ужина.

Мамы рядом нет. Есть я.

Сначала маленькая паника: сейчас не найдёт и проснётся. А потом меня разбирает смех. И щекотно, и смешно одновременно.

Пару раз я не сдержался. За что огрёб от жены.

А однажды дочь всё-таки нашла. И укусила. Хорошо, что я был в футболке.

Как жена всё это выносит каждую ночь — не представляю.

Смеяться, впрочем, мне осталось недолго. Жена почти отучила дочь от груди. Нашла какую-то методику и строго ей

следует. Подробностей мне не сообщают. Моё дело — лежать рядом и не смеяться.

Ночью дочь просит есть всё реже. Значит, скоро я снова смогу просто спать рядом с дочерью. Без риска быть съеденным.

Глава 13
День без уборки

Я долго думал, чем мамы занимаются в декрете. Ответ вроде очевидный: ребёнком.

Но я посмотрел на жену и засомневался. Большая часть её дня уходила на уборку. Подмести. Помыть пол. Помыть посуду. Собрать игрушки. Двести раз за день собрать игрушки. Снять бельё с сушилки. Повесить новое. И так каждый день. Одно и то же.

А ребёнком когда?

Потом началась самоизоляция, и я тоже оказался дома. Казалось бы, стало легче. Теперь можно по очереди: один прибирается, второй с дочкой. Не помогло. Уборка надоела обоим.

И мы решили устроить себе выходной. Один день. Никакой уборки. Вообще.

Ограничивать дочь из-за нашей лени мы не стали. Пусть играет как хочет. Это было ошибкой. Потому что главным организатором переворота квартиры вверх дном была именно она.

Утро. Все игрушки аккуратно лежат в корзине. Красиво. Как в каталоге.

Через два часа зал было не узнать. Корзина пустая. Её содержимое равномерно распределено по полу. Равномерно —

это я мягко сказал.

Обычно в такие моменты мы берём дочь на руки и прибираемся вместе с ней. Раскладываем по местам и в миллионный раз объясняем: это корова, корова говорит «му». А это зарядка, зарядкой не играют. Вдруг отложится. И про корову, и про уборку.

Но сегодня выходной. Сидим. Смотрим.

Дальше дочь добралась до корзинки под стульчиком для кормления. Там у нас хранится самое ценное. По её мнению. То, что обязательно должно быть под рукой, чтобы спокойно поесть. Это ценное тоже переехало на пол.

Потом она решила навести порядок в своём шкафу. По-своему. Всё, что лежало, теперь валялось.

К вечеру зал выглядел так, будто в нём искали клад. И не нашли.

Мы ходили по квартире, скрипя зубами. Обходили одни игрушки и наступали на другие. В голове у обоих билась одна мысль.

ПРИБРАТЬСЯ.

Вот что удивительно. От уборки мы устали. Договорились отдохнуть. Договорились по-честному, оба. А к вечеру руки чесались нарушить договор. Внутри кипело. Хотелось схватить корзину и всё в неё сгрести.

Оказалось, отдыхать от уборки гораздо тяжелее, чем убираться.

Дочь эту мысль не разделяла. Она сидела посреди бардака

и выглядела абсолютно счастливой.

Глава 14
Самое безопасное время для прогулки

Весна двадцатого года. Времена «короны». Все сидят по домам. Мы тоже сидим. Месяц сидим.

Дочь в это время начала просыпаться рано. Очень рано. В тот день — в половине шестого.

Подъём в 5:30 означает одно. День будет бесконечным. А прожить бесконечный день в четырёх стенах без новых впечатлений — это испытание даже для взрослого. Для того, кому нет и года, тем более.

Мы с дочкой подошли к окну. Посовещались. На деревьях появились листочки. Зелёные. Последний раз дочь была на улице, когда там лежал грязный снег.

И мы махнули рукой на самоизоляцию.

Вопреки здравому смыслу пошли собираться на прогулку.

Почему в шесть утра? Потому что людей нет. Любители фотографировать прохожих из окон ещё спят. Блюстители порядка тоже. Шесть утра — самое безопасное время. Это я понял стратегически.

На улице было уже тепло.

И дочь. Как она смотрела вокруг — это не описать. Птицы поют. Трава зелёная. Одуванчики. Целый мир, о котором она

за зиму забыла, а может, и не знала.

Она крутилась во все стороны, как радар. Фотографироваться отказывалась. Точнее, не отказывалась, просто не успевала. Девяносто процентов снимков вышли смазанными. На всех — затылок, плечо или размытое пятно, которое было дочерью.

Людей мы всё-таки встретили. Маму с коляской. Пару прохожих.

Реакцию жены надо было видеть.

Месяц самоизоляции сделал своё дело. Жена шарахалась от людей. Отпрыгивала в сторону. Из-за угла вышла женщина — жена чуть не нырнула в кусты. Впереди кто-то идёт — резкий поворот в другую сторону. Без предупреждения. Я с коляской еле успевал за её манёврами.

Вот что с человеком делает месяц дома.

Гуляли мы около получаса. Всего полчаса. Но эти полчаса были самыми классными за весь тот месяц.

Домой вернулись в половине седьмого утра.

Впереди был ещё целый бесконечный день.

Самое безопасное время для прогулки мы нашли. Осталось найти самое безопасное время для сна.

Глава 15
Стрижка под жену

В парикмахерскую я хожу редко. Раз в четыре-пять месяцев. Дотягиваю до последнего. До момента, когда волосы уже мешают жить.

Этот момент наступил ровно тогда, когда все парикмахерские закрыли.

Прошёл месяц. Я обрастал. Дочь была счастлива: наконец-то у папы есть за что ухватиться и подёргать. Жена потихоньку начала капать. «Сделай уже что-нибудь. Ходишь как этот.»

Я сделал. Пошёл в магазин у дома и купил самую дешёвую машинку для стрижки. 990 рублей. Логика простая: четыре стрижки — и она окупилась. А дальше видно будет.

Кому досталась честь лишить меня косичек? Правильно. Жене.

Жена в своей жизни ни разу никого не стригла. Не брила. Даже кошку. Парикмахер из неё такой же, как из меня балерина. Но, как говорится, глаза боятся, а руки делают.

Я сел на табуретку и озвучил техзадание.

— Значит, так. Спортивная стрижка. По бокам с нуля. На макушке девять миллиметров. Переход плавный.

Жена кивнула. Взяла машинку. А я сидел и думал: может, сразу налысо? Чего мучиться.

Думать надо было вслух.

Машинка дешёвая. Регулятор длины у неё держится на честном слове. Жена чуть сильнее надавила — регулятор слетел с девяти на шесть. И на макушке появилась борозда. Почти до кожи. Прямо посередине.

Ладно. Перестраиваемся на ходу. Стрижём чуть короче. Не налысо, просто короче.

Дело шло к концу. Я посмотрел в зеркало и увидел клок волос над виском. Один. Торчит. Ну я и показал на него жене. Тут, мол, ещё.

Жена к этому моменту уже сняла насадку.

И, не раздумывая ни секунды, провела машинкой прямо по этому месту.

Пауза.

В итоге брили всё под ноль. Сам виноват. Нечего было придираться.

Дальше всё пошло гладко. Очень гладко. Налысо жена меня обрила шустро и с явным удовольствием. Так коротко я последний раз стригся в армии.

Ничего. Лето скоро. Пусть голова дышит.

Зато теперь у нас в семье полный порядок. Дочь больше не самая лысая. Самый лысый — я.

Ей, кажется, стало легче. Мне — прохладнее.

Глава 16
Телевизор сломался

Мультики у нас по расписанию. Полчаса в день. Это время счастья. Потом телевизор выключается, и счастье заканчивается.

Дочь с этим не согласна. Полчаса ей мало. И она нашла решение. Научилась включать телевизор сама. Берёт пульт и тыкает во все кнопки подряд. По очереди. Что-нибудь да включится. И ведь включается.

Тогда мы решили схитрить. После мультиков вынимать из пульта батарейку. Нет батарейки — нет телевизора. Просто, надёжно, по-взрослому.

В тот день я был на работе. Жена выключила мультики, вытащила батарейку и пошла собирать игрушки по комнате.

Дочь, как обычно, взяла пульт. Потыкала. Ничего. Ещё потыкала. Ничего.

Принесла пульт маме. Протянула. Мол, мам, тут что-то не работает. Включи.

Жена сделала серьёзное лицо.

— Всё, Полина. Мультики на сегодня закончились. Телевизор сломался. Вот папа придёт с работы, починит, и завтра посмотрим.

Дочь постояла. Подумала.

Потом развернулась, ушла, нашла где-то батарейку и при-

несла её маме.

Ей было одиннадцать месяцев.

Она ещё не говорила толком. Не ходила толком. Но уже знала, что телевизор работает от пульта, пульт работает от батарейки, а батарейку прячут родители. И знала, где именно они её прячут.

Жена рассказала мне это вечером. Мы долго молчали.

А потом решили больше её не обманывать. Говорить прямо, как есть. Не потому что это правильно с точки зрения педагогики.

А потому что бесполезно.

Спойлер: обманывать мы, конечно, не перестали. Просто стали делать это изобретательнее.

Глава 17
Жена и дочь в деревне

Уже несколько дней я провожу вечера в гордом одиночестве. Жена с дочкой уехали в деревню. К деду. Погостить, подышать воздухом, посмотреть на весну.

Отпускал я их со скрипом.

Разговоры о поездке шли давно. И у меня был список причин против.

Первое. Дорога. Четыре часа с ребёнком, которому нет года.

Второе. Самоизоляция. На дворе май двадцатого, все сидят по домам.

Третье. Удобства. Точнее, их отсутствие. Частный дом.

Четвёртое, главное. Я был уверен, что через день раздастся звонок. Жена в истерике. Дочь в истерике. «Забирай нас».

Но был и список «за». Природа. Двор с травой. Новые звери, новые впечатления. Дед, который внучку почти не видел. И жена, которая устала сидеть в бетонной коробке не меньше дочери.

Список «за» победил. Уехали.

Звонок раздался. Но не тот, которого я ждал.

Дочь в восторге. От всего. От дороги. От дома. От двора. Ни одной истерики. Загорела даже.

А вот жене пришлось несладко.

Дома всё подстроено под ребёнка. Всё под рукой. Кроватка, манеж, горячая вода из крана. Тут ничего этого нет. Горячую воду надо греть. Или топить баню. Манежа нет, кроватки нет. Оставить ребёнка одного в безопасном месте невозможно. Значит, весь день на руках.

Отдельная тема — живность.

В нашей кошке мы уверены. Она чистая, домашняя и к дочке более-менее привыкла. А там три кошки. Деревенские, диковатые, непредсказуемые. И дочь тянется к ним изо всех сил. Жена тянет дочь обратно.

Зато Полина увидела настоящую козу. И собаку. И петуха.

— Прям просит, чтобы её несли гладить козу, — рассказывала жена по телефону.

Коза, судя по всему, была не против.

Дед счастлив. По словам жены, относится к внучке с огромной нежностью. Иногда оговаривается и называет её дочкой. Но годы берут своё. Нянчиться долго ему тяжело. Так что основной удар всё равно на жене.

А ещё там у дочки нашлись братик и сестричка. Она с ними уже успела подружиться. И уже успела не поделить игрушки. Всё как у людей.

В общем, итог такой.

Дочь отдыхает на полную. Свежий воздух, коза, загар, новые друзья.

Жена отдыхает от квартиры, работая без выходных в условиях похуже.

А я сижу вечерами один в чистой тихой квартире. С горячей водой. И с целым диваном в моём распоряжении.

И почему-то мне хуже всех.

Глава 18
Сюрприз, к которому я не был готов

Я не люблю сюрпризы. Теперь я знаю это точно.

Жена с дочкой должны были вернуться из деревни пятнадцатого мая. Рано утром. Всё было схвачено и оговорено с родственником, который их повезёт. А у меня был план.

Четырнадцатого вечером прибраться. Приготовить еду. Привести себя в порядок. Встретить девчонок красиво.

Четырнадцатого утром позвонила жена. Ещё раз уточнила: приедем пятнадцатого утром. Я сказал, что жду.

Потом лёг на диван и начал прикидывать фронт работ. Посуда. Пол. Холодильник пустой. Кошка. Мусор. Я составлял список, и с каждым пунктом мне становилось тяжелее. Где-то на середине я так устал от этого списка, что уснул.

В обед зазвонил телефон.

— Выходи, встречай.

Мир перевернулся.

Спросонья я вообще не понял, что происходит. Куда выходить? Кого встречать? Сегодня же четырнадцатое.

А дома вот что. Не прибрано. В холодильнике пусто — ни еды для дочки, ни для жены. В раковине гора посуды. Кошка в очередной раз раскидала наполнитель по всему коридору. У двери стоят два пакета с мусором.

Я заметался. Искал одежду и параллельно пытался хоть

что-нибудь исправить. Успел ровно одно. Сменить наполнитель в кошачьем лотке.

Снова звонок.

— Ну ты где? Не соскучился, что ли?

Знала бы она, что у меня в этот момент в голове три мартышки в барабаны бьют.

Бросил всё. Вышел.

Дочь увидела меня и сразу потянулась на руки. Заулыбалась. Помнит, кто папа. Не забыла за неделю. Ради этого стоило проснуться.

Выяснилось, что приехать раньше получилось случайно. А дальше жена решила: раз так — пусть будет сюрприз.

Соскучился я сильно. Правда. Но было дико неудобно. Уезжали они из чистой квартиры. А вернулись вот в это.

Дочь первым делом устроила ревизию. Носилась по квартире как белка. Трогала всё подряд. Открыла все ящики, все шкафы. Проверяла, всё ли на месте, всё ли как раньше. Даже про тайник под диваном не забыла. Я же говорил, что не забудет. Смотрелось это так, будто она не верит своему счастью. Дома. Наконец-то.

А жена молча смотрела на гору посуды.

Порядок я в тот же день навёл. Девчонок накормил. Все довольны.

Вывод я сделал один. Прибираться надо заранее. За день до того, как они должны приехать.

А лучше за два. На всякий случай. А лучше просто ничего

не трогать и лежать на диване всю неделю. Но этому я сильно позже научился.

Глава 19
Подушка вместо дочери

Это случилось тёмной-тёмной ночью. Как в страшилке. Только вместо призрака — подушка.

Я часто засиживаюсь допоздна в гостиной. До часу ночи бывает. Пишу. Девчонки мои к этому времени уже спят. И где-то между одиннадцатью и часом жена обычно просыпается и просит что-нибудь сделать. Мелочь какую-нибудь.

В тот вечер дочь отказалась спать в своей кроватке. Ей больше понравилась большая родительская кровать. С мамой под боком.

В половине двенадцатого мне пришла эсэмэска от жены. Приди, переложи дочь в кроватку.

Это обычная просьба. Я пришёл, переложил. Без задней мысли. Вернулся писать.

Около часа ночи я закончил и пошёл спать.

Захожу в спальню. Темно. Жена лежит на самом краю кровати. Половина тела свисает. Странно. Обычно так лежим мы, когда дочь занимает всю середину. Но дочь же в кроватке. Я сам её туда положил.

Ладно, думаю. Может, проснулась, и жена снова забрала её к себе.

Подхожу к своей половине. Жена просыпается.

— Переложи дочь.

И приподнимает одеяло. Чтобы мне было удобнее.

Глаза к темноте ещё не привыкли. Жену я вижу. Дочь — нет. Начинаю аккуратно шарить руками. Шуршу. Жена начинает нервничать.

— Да вот же она!

— Где? Не вижу ничего.

Шарю дальше. Пытаюсь прозреть.

— Ты чего, блин?! Вот рядом со мной лежит! Прижалась ко мне!

Глаза наконец привыкают. Я различаю силуэты.

Рядом с женой лежит не дочь.

Рядом с женой лежит моя подушка.

Жена от усталости забыла, что сама полтора часа назад попросила переложить дочь. И всё это время свято оберегала мою подушку. Прижимала к себе. Укрывала одеялом. Ютилась на краю, чтобы ей было просторно.

Полтора часа.

Я немного посмеялся. Жена моего веселья не разделила.

А потом мне стало не смешно. Я понял, что дни у неё давно слились в один. Подъём, кормление, уборка, прогулка, укачивание. И снова. День сурка, в котором подушку от ребёнка уже не отличить.

На следующий же день я решил: жене нужен выходной.

Настоящий. Без нас.

Как его устроить, я пока не знал. Но был уверен, что справлюсь. Я всегда в этом уверен. Это меня и губит.

Глава 20
Выходной для жены

После истории с подушкой я понял: жену надо спасать.

Последнее время она вялая. Уставшая. Рассеянная. Иногда нервная. Оно и понятно. Сидит в четырёх стенах с ребёнком. Без людей. Без смены картинки. Дни слились в один.

На следующий день я сказал:

— Звони подружкам. Идите куда-нибудь. Развейся.

Такой скорости я от жены не видел никогда. Ни до, ни после.

Через десять минут всё было договорено. Через полчаса наведён марафет. Ещё через минуту жены как след простыл. Я даже не успел спросить, во сколько она вернётся.

Мы с Полиной остались вдвоём.

И вот тут я ждал подвоха. Капризов. Слёз. Ребёнка, который ищет маму по углам.

Ничего этого не было.

Мы поели. С аппетитом. Погуляли. Поиграли. Почитали книжки. Я переделал дела по дому. Мы легли спать. Спокойно. Без концертов.

Жене было разрешено задержаться. Она вернулась в районе десяти вечера.

И это был другой человек.

Светится. Наговорилась. Насмеялась. Обсудила все про-

блемы. Как сказала жена, камень с души упал.

На следующий день меня ждал завтрак. Разговоров — море. Весь день она что-то крутилась, делала, напевала. Усталости как не бывало.

Я был собой очень доволен. Минут пять.

Потом до меня дошло. День с ребёнком прошёл у меня легко. Слишком легко. Значит, при маме дочь просто показывает характер. А при мне экономит силы.

Жене я об этом говорить не стал. Вдруг тоже догадается и будет уходить чаще.

Глава 21
Она собралась на работу

Утро. Обычное утро.

Полина проснулась раньше всех. Подняла меня. И мы пошли умываться.

Раньше я умывался с закрытыми глазами. Тёр щёткой зубы и пытался досмотреть сон стоя. Теперь так не выходит. Теперь рядом стоит дочь и с огромным интересом заглядывает мне в рот. Внимательно. Будто проверяет, всё ли я делаю правильно. А потом ждёт своей очереди. И с ещё большим удовольствием даёт мне помассировать ей дёсны силиконовой щёткой.

Сонливость слетает сразу.

Дальше по расписанию.

Я одеваюсь. Её переодеваю.

Мне кружка кофе. Ей бутылочка сока.

Немного утренних новостей. Из детской книжки. Про поросёнка в грязной луже. Новости, как всегда, тревожные. Поросёнок опять в луже.

На завтрак времени не осталось. Мы пошли будить маму.

У нас есть прощальный ритуал. Я ухожу, дочь машет мне ручкой с маминых рук. Каждый день одно и то же.

В этот раз всё пошло не по плану.

Дочь махать отказалась. Вместо этого вытянула ко мне ру-

ки и вцепилась в толстовку. Мёртвой хваткой. А потом показала пальцем на дверь.

Всё было понятно без слов. Она не собирается оставаться дома. Она едет со мной.

Мы долго уговаривали. Объясняли. Отцепляли пальцы от толстовки. В итоге я всё-таки передал её жене и выскользнул за дверь.

Сердце рвалось обратно уже на лестнице.

Минут через десять пришло сообщение от жены. Фотографии.

На фотографиях Полина сидит на пороге. И пытается натянуть свои тапки.

И подпись. Полина к тебе хочет. Даже мультики не отвлекли. Приползла, нашла тапки, пыталась надеть сама. Теперь меня просит надеть и показывает на дверь.

До года ей оставалось десять дней.

Она ещё не ходила. Но уже знала, что на работу надо в тапках.

Я, конечно, поплыл.

Глава 22
Подсмотрел

Однажды я поймал себя на мысли. Мы с женой ни на минуту не оставляем дочь одну.

Утром проснулись — вместе. Едим — вместе. Играем — вместе. Делаем что-то по дому — тоже вместе. Ей интересно. Она смотрит, слушает, где-то даже помогает. Всё хорошо.

Но как же самостоятельность? Должна же у человека быть фантазия. Умение себя чем-то занять. Без нас.

В год с небольшим это, наверное, рано. А может, и нет. Надо проверить.

Я посадил дочь посреди комнаты. Сказал напутственные слова. Что-то вроде «играй, я скоро». И вышел.

И сразу начал переживать.

У нас низкая система хранения. Комод, полки, что-то вроде ступенек. При нас дочь постоянно на них карабкается. Покоряет вершины. А что будет без нас? Залезет и упадёт?

Убедился, что за мной она не поползла. Спрятался за углом. Выглядываю. Аккуратно. Так, чтобы не заметила.

Минуты три она просто сидела и смотрела мультики.

Потом зашевелилась. Я чуть не выдал себя. Подался вперёд, как вратарь.

Но полезла она не на полки.

Она взяла книгу.

В глубине души я заулыбался. Моя дочь. Книга. Сама.

Долго лежала с этой книгой. Переворачивала страницы. Что-то говорила на своём языке. Иногда тыкала пальцем в картинку и с очень серьёзным лицом что-то объясняла. Кому — непонятно. Себе, наверное. Или книге.

Я фотографировал из-за угла. Как шпион. Фотографии вышли так себе.

Потом в ход пошли новые игрушки. Лабиринт. И мышь с сыром. Тот самый лабиринт, в который она с нами играть наотрез отказывалась. Отталкивала, отворачивалась. А тут сидит и сама разбирается, как он устроен.

Видимо, мы ей просто мешали.

Минут двадцать она тихо и спокойно занималась сама. Без нас. Без помощи. Без капризов. И, думаю, это продолжалось бы ещё долго.

Если бы у меня не зачесался нос.

Я чихнул.

Дочь повернулась. Увидела меня за углом. Бросила книгу, бросила лабиринт, бросила мышь с сыром. И через пару секунд уже сидела у меня на руках. Довольная.

Самостоятельность закончилась ровно в тот момент, когда появился папа.

Но главное я увидел. Опасного она ничего не делала. Ни на какие вершины не полезла.

В отличие от меня, она вела себя по-взрослому. Взрослый в это время прятался за углом. И чихал.

Глава 23
Когда станет легче?

Этот вопрос родители задают себе с первого дня. Когда можно будет сесть, налить кружку горячего чая и спокойно её допить? Желательно горячей.

Сначала нервничаешь, что всё делаешь не так. Потом появляется уверенность. Ну всё, думаешь, научился. Сейчас станет легче.

Потом колики. Бессонные ночи. Мы чуть ли не молились, чтобы они прошли. Капли от колик до сих пор стоят на полке. На всякий случай.

Колики прошли. Ну, думаю, сейчас станет легче.

Пришло ползание. Шкафы, розетки, всё мелкое с пола — в рот. Медленно моргать больше нельзя. Мне тогда сказали: «Ничего, вот начнёт ходить — будет легче».

Ходить она пока не начала. Зато научилась вставать. Хватается за всё подряд, чтобы подтянуться. И это «всё подряд» не всегда прикручено.

Только всё вроде наладилось, даже одну ночь проспали без пробуждения, — пошли зубы. Первые вылезли тихо. Зато седьмой и восьмой отыгрались за всех.

А между этим — болячки. Которые выматывали сильнее всего остального.

Человек ко всему привыкает. Мы тоже привыкали. Но

стоило привыкнуть к одному, как приходило следующее.

А впереди ещё зубы, кризисы, детский сад, школа, переходный возраст.

Так когда же станет легче?

Подозреваю, что никогда. Но фразу «вот начнёт ходить» я запомнил. Проверим.

Проверил. Легче не стало. Она пошла — и бегать пришлось уже нам.

Глава 24
Четырнадцать часов тишины

Со сном в нашей семье проблемы с самого рождения дочери. Мы к этому привыкли. Выспавшимися мы себя чувствуем крайне неуместно. Хотя было ли такое вообще — уже не помню.

Примерно за месяц до этой истории дочь перешла на один дневной сон. Мы обрадовались. Думали, теперь будет спать подольше. Часа два-три. Как в книжках.

Не тут-то было. Как спала сорок минут, так и спит сорок минут. Если повезёт убаюкать, ещё часок. Вот и всё. Хорошо хоть на ночь стала засыпать легче.

А потом случился тот день.

Дочь уснула по расписанию, около двенадцати. Жена уехала на маникюр. Я остался за главного.

Через сорок минут дочь, верная себе, проснулась. На моих руках засыпать снова отказалась.

Ну ок, подумал я. Не хочешь — не надо.

К шести вечера она захотела спать так, что до девяти — до обычного времени — её было не дотянуть. Глаза слипались, сама падала.

Уложили. Уснула.

Час спит. Два. Три.

Мы с женой переглядываемся. Начинаем готовиться к

худшему. Сейчас она выспится к ночи, и ночь будет весёлая. Для неё. Не для нас.

Десять вечера. Спит.

Полночь. Спит.

Ни писка. Ни шороха. Ни разу не проснулась.

Вот тут нам и стало не по себе.

Мы начали ходить к кроватке по очереди. Смотрели. Всё ли хорошо. Точно ли спит. Правда спит? А почему так долго?

Так продолжалось всю ночь. Что-то внутри не давало покоя. Всё неправильно. Наш ребёнок так себя не ведёт. Никогда так себя не вёл. Может, сломался?

Мы просыпались чуть ли не каждый час. Подходили. Смотрели. Я наклонялся и слушал, дышит ли.

Дышала. Спокойно. Ровно. Как будто так и надо.

Проснулась она в восемь утра.

Четырнадцать часов. Без единого пробуждения.

Я уже забыл, когда последний раз мы сами столько спали. И вот она, возможность. Единственная за год. Подарок судьбы.

И мы её прошляпили.

Выспалась в ту ночь одна дочь.

Часть 4
Поползли

Переворачивается, садится, ползёт. Квартира вдруг становится опасной, а под диваном появляется тайник. Мы прокачиваем реакцию. Дочь — мышцы.

Глава 25
Тайная жизнь младенца

В три месяца дочь решила, что пора двигаться.

Двигаться у неё пока не получалось. Она ложилась на живот, напрягалась всем телом, пыхтела и буксовала на месте. Носом по простыне. Как машина в сугробе. Шуму много, результата ноль.

Я этот момент пропустил. Работал. Прихожу вечером, а она уже на боку. Ещё неделя — и я жду, что приду с работы, а она подползёт к двери, посмотрит снизу вверх и скажет:

— Пап, чё за фигня? Ты где был?

Поэтому мы с женой начали готовить пол. Раз ребёнок собирается по нему ползать, пол должен быть к этому готов.

Пол готов не был.

Во-первых, кошка. Избавляться от неё никто не собирался. Но шерсть она оставляет везде, где прошла. А прошла она везде. Тоннами. Варианта я видел два. Побрить кошку. Или привязать к её хвосту швабру. Пусть ходит и сама за собой убирает. Жена не одобрила ни один.

Во-вторых, всё остальное. Я впервые посмотрел на квартиру глазами того, кто ползает. Углы. Розетки. Провода. Двери, которые хлопают. Шкафчики, которые открываются. Всё это стояло тут годами и никого не трогало. А теперь каждый угол смотрел на меня как враг.

Можно, конечно, ничего не делать. Пусть учится сама. Раз впишется лбом в угол — и больше к нему не подойдёт. Метод проб и ошибок. Мне эта мысль понравилась секунды на три. Потом я представил, как объясняю это жене.

Нам посоветовали коврик для ползания. Такой поролоновый, из пазлов, снизу фольга.

Идея хорошая. Но и тут два «но».

Первое — кошка. Она обожает всё поролоновое. И пробковое. И вообще всё, что можно драть.

Второе — всю квартиру этим застелить? Вместе с кухней и коридором?

А ещё пол холодный. И зима близко.

Вопросов было куча. Ответов ноль. Мы обсуждали это неделями. Мерили коридор. Смотрели цены. Спорили про углы.

А дочь лежала на животе и буксовала носом.

Она тоже готовилась. Только молча. И, как потом выяснилось, гораздо эффективнее нас.

Глава 26
Ноль целых шесть сотых секунды

После курса массажа дочь научилась переворачиваться. Со спины на живот.

Сначала это занимало у неё секунд десять. Пыхтение, кряхтение, одна нога, вторая, бух.

Сейчас — ноль целых шесть сотых секунды. Я моргаю медленнее.

Чтобы вы понимали. Кладу её на спину. Поворачиваю голову на сорок пять градусов, чтобы взять подгузник. Поворачиваю обратно — она уже на пузе. И ползёт от меня. Без подгузника.

Обратно на спину она переворачиваться не хочет. Девочка. Имеет полное право чего-то не хотеть.

Поэтому каждые пять секунд лежания на животе заканчиваются психом. Край — минута. Если рядом кошачий хвост.

Всё бы ничего. Крути её весь день, разминайся.

Но она научилась делать это во сне.

Ночью переворачивается. Утыкается носом в матрас. И нет бы повернуть голову набок и спать дальше. Нет. Лежит лицом в простыню, как дядя на новогоднем застолье лицом в оливье. И орёт.

Жена встаёт. Переворачивает. Ложится. Через полчаса снова.

Я тут почти бессилен. Если дочь видит меня ночью, она просыпается окончательно. Сразу. И начинается программа. Самолётики по квартире. Подбрасывание к потолку. Три часа ночи. Аплодисменты.

Поэтому я лежал и делал вид, что сплю. А жена не спала за двоих.

В итоге в четыре месяца нам пришлось снова пеленать дочь. Спортсменку. Которая только что научилась переворачиваться.

Отличный пример того, как родители помогают развитию.

Глава 27
Ниже пола не упадёт

С самого рождения мы с женой боялись её уронить. Держали как хрусталь. Двумя руками. Дышать боялись.

Но чем больше она становилась, тем смелее становились мы. Голову держит. Не скользкая. Не стеклянная.

Я начал держать её одной рукой. Подбрасывать. Играть в самолётик. Самолёт, правда, она. Я аэродром.

Ни разу ничего не случилось. Ни разу даже намёка, что сейчас выскользнет.

Если оставляли одну, правило было простое. Либо в кроватку с бортиками. Либо на коврик на полу. Ниже пола она упасть не может. Это физика.

И тут звонок. Мне на работу. Жена. Голос испуганный:

— Дочь упала!

Сердце у меня ушло в пятки. И, судя по ощущениям, там и осталось.

Дальше жена рассказывала уже взахлёб:

— Положила её на нашу кровать, покормила, мы вместе уснули минут на пятнадцать. Я пошла попить. Чтобы не будить, подпёрла её подушкой. Через подушку-то не перелезет. Вышла на две минуты. Слышу писк. Не плач, а писк. Короткий. Забегаю…

Пауза.

— Ну?!

— Она скинула подушку на пол. И упала сверху. Ровно на подушку. Лежит и улыбается.

Тут меня отпустило.

Подушку дочь, получается, не оттолкнула. Она её постелила. Заранее.

С тех пор я к ней отношусь серьёзнее. И к подушкам тоже.

Глава 28
Мужской или женский?

Дочери было пять месяцев. Она ещё не сидела, не ползала и о горшке не подозревала. А я уже не спал по ночам из-за туалета.

Не своего. Общественного.

Представьте. Торговый центр. Я и дочь. Мамы нет. И тут дочь говорит, что хочет пи-пи. Срочно. Прямо сейчас.

И передо мной две двери.

На одной нарисован человечек в юбке. На другой без юбки.

По логике вещей дочь — девочка. Значит, в женский. Но я-то мужик. Мне туда нельзя. Это табу с детства, как совать пальцы в розетку.

В мужской? А там писуары. Открытые. С мужиками. Которые стоят спиной и не ждут, что к ним заведут маленькую девочку с бантиком. Неудобно будет всем. Мне за дочь. Мужикам за себя. Дочери… дочери, может, и интересно, но лучше без этого. К тому же чистотой мужские туалеты не славятся. Там всё какое-то косое.

Я видел, как мамы заходят в мужской туалет с сыновьями. Уверенно. Не глядя по сторонам. На возмущения не отвечают. Маму понять можно. Но я так не смогу. Я в женский даже посмотреть боюсь.

Что там вообще, в женском? Я там ни разу в жизни не был. Какая там атмосфера? Кто там водится? А вдруг я зайду, а там все начнут визжать? Кидаться чем-нибудь. Я даже не знаю, чем у них принято кидаться.

Идеальный вариант, конечно, туалет для маломобильных. Я ни разу не видел, чтобы туда кто-то заходил. Там всегда пусто, чисто и просторно. Но такой есть не везде. Закон подлости гарантирует, что в нужный момент его не будет.

Я понимал, что думать об этом рано. Года три в запасе точно. Но лучше заранее решить, в какую дверь бежать. А то ведь придётся стоять перед двумя дверями с ребёнком под мышкой и бросать монетку.

Жене я эту проблему озвучил вечером. Подробно. С вариантами.

Она посмотрела на дочь. Дочь лежала в кроватке и сосредоточенно пыталась засунуть в рот ногу.

По-моему, им обеим было не до моих проблем.

Ответ на этот вопрос я найду года через полтора. В самый неподходящий момент.

Глава 29
Синяк от книжки

Полине полгода. Этот месяц перевернул всё. В основном нас.

Сначала она начала садиться. Научила мама. Две недели показывала, как из полулёжа сесть. Показала. Научила. И сама же пострадала.

Теперь в люльке дочь не лежит. В стульчике не балдеет. Всё время пытается сесть. Есть согласна только сидя. Положишь — истерика. Не дают человеку жить вертикально.

Потом кошка. Впервые за полгода Полина её погладила. Под присмотром. Аккуратно. Раз в день, не чаще. Чтобы не дёрнула за шерсть, а Анфиса не цапнула в ответ. От этого прикосновения дочь хохочет так, что потом час не капризничает. Мы этот смех выдаём дозированно. Как витамины.

Потом сила. Её откуда-то стало очень много. За неделю дочь наставила по синяку каждому из родителей. Меня она хватает за жировые прослойки и тянет что есть мочи. Намекает, видимо. Маме по ноге бросила книгу. Увесистую. Углом. Попала точно.

Мне кажется, книги надо продавать с предупреждением.

И главное — она поползла.

Удержать её теперь на одном месте невозможно. Маршрут такой. По ковру — перекатами. Ковёр кончился — дальше

по ламинату по-пластунски. Цель — кошка. Кошка уходит. Дочь догоняет.

А ещё Полина полюбила зеркало. Раньше смотрела мимо. Теперь тянется к своему отражению, гудит на него и улыбается.

Себе она нравится.

Я в зеркало после этого месяца смотреть боялся. Синяки, мешки под глазами и жировые прослойки, которые уже кто-то оценил.

Глава 30
Щёлк

Дочь без устали осваивает новые территории. Оставишь её в комнате, уйдёшь почистить зубы — и тут же слышно, как она ползёт следом. До ванной уже добралась своим ходом. Хорошо хоть не знает, что там кошачий лоток.

Спать по-прежнему не хочет. Высыпается к пяти утра. Край — к шести. Нас она довела до режима автопилота. Раньше я не понимал, чего все жалуются. Теперь понимаю.

В любой непонятной ситуации встаёт на ноги. Кормление, укачивание, купание — неважно. Встать!

С каждым её новым движением мы прокачиваем реакцию, стрессоустойчивость и терпение. С таким набором можно смело писать резюме. А вот на мелочи внимание обращать перестали совсем.

Решил её покормить. Силиконовую ложку не нашёл, взял обычную чайную. Пока воевал с банкой пюре — чуть все пальцы не обломал — дочь начала нервничать. Я дал ей ложку. Пусть займёт себя.

Ложка, конечно, сразу отправилась в рот.

Щёлк.

Не понял.

Щёлк. Щёлк.

Зуб! Внизу. Один. Но настоящий. И она им щёлкала по

ложке.

Посмотреть мне не дали. Удалось только нащупать острый краешек.

Когда он вылез — непонятно. Ни температуры, ни капризов. Просто взял и вылез. Если бы не ложка, мы бы ещё долго не знали.

Первый зуб мы, выходит, прошляпили. Зато познакомился я с ним очень скоро. Когда мазал ей дёсны гелем, а она прокусила мне палец.

Глава 31
Кусь умеют двое

Первое время мы ограждали дочь от кошки. Чтобы не было аллергии. Чтобы шерсти не наелась. А сами всё свободное время были с ребёнком.

Кошка ушла на второй план. От усталости задача была одна — не забыть её покормить. Про «погладить» и «почесать за ухом» речи не шло.

Сначала Анфиса и сама держалась подальше. Сидела там, где тихо. Но ласки хочется всем.

Сначала она начала орать по ночам. Не есть просит. Не дверь открыть. Просто орёт, чтобы вышли и погладили.

Потом перешла к вредительству. Не погладил? Куча на коврике. Опять не погладил? Прощайте, обои.

Дальше — прямые нападения. Идёшь мимо — кусь за пятку.

Дочь с ней наедине не оставляем. Гладить кошку Полине можно только под присмотром. И придерживая её руку. У дочки в этот момент эмоции через край.

Стараемся уделять Анфисе больше внимания. Пока не помогает.

Так что кусь за пятку в нашем доме теперь умеют двое. Кто у кого научился — вопрос открытый.

Глава 32
Осьминог в ванной

Купание у нас всегда было праздником. Особенно когда купаю я.

Потому что со мной весело. Со мной можно поплюхаться по-настоящему. Можно быть торпедой. Подводной лодкой. Повелителем волн. Жена купает аккуратно. Я купаю так, что потом надо мыть пол.

Дочь это ценила. До одного вечера.

Сажаю её в ванну. Она тут же встаёт на ножки, тянет ко мне руки и плачет. Хочет вылезти. Сразу. Немедленно.

Такого раньше не было. Я решил настоять. Ну как так, ещё вчера была торпедой. Настоял. Сделал только хуже. Купание закончилось рёвом.

Ладно. Бывает. Может, не в настроении.

На следующий день то же самое. Даже хуже.

Тут я начал подозревать себя. Может, я слишком весёлый? Может, повелитель волн её напугал? Может, я ей просто разонравился?

Позвал жену. Пусть мама купает, с мамой спокойнее.

Не помогло. Дочь вылезала из ванны и при маме тоже. Значит, не во мне дело. Это немного утешило. Но не очень.

Разгадка нашлась случайно.

Жена пошла в ванную менять дочке подгузник. И они там задержались. Стали разглядывать липучки на стенке ванны. Одну, другую, третью. Всё спокойно.

А потом очередь дошла до осьминога. Того, который пускает пузыри.

И дочь заплакала.

Что именно её пугало, мы так и не поняли. Может, пузы-

ри, непонятно откуда берущиеся. Может, его лицо. Может, моторчик, который жужжит внутри. Фиг его знает. Но осьминог оказался врагом номер один.

Осьминога сняли. Убрали подальше.

Купания наладились в тот же вечер. Торпеда, подводная лодка, повелитель волн. Всё вернулось.

Почти всё.

Дочь ещё долго, садясь в ванну, косилась на то место на стенке, где он висел. Проверяла. Не вернулся ли.

Глава 33
Тайник под диваном

Полина у нас растёт запасливой. С такой дочерью в старости не пропадёшь. Я в этом уверен. Когда мне понадобится

кусок хлеба, она достанет его из тайника. И огурчик там же найдёт.

Да, у дочери есть тайник. Под диваном. В девять месяцев.

Когда это началось, я точно не помню. Но точно знаю, что случайно.

У нас по квартире катается много цветных шариков. Дочь по неопытности закатывала их под диван. Заглядывала туда. Тянулась. Не доставала. Забивала.

Потом под диваном начал появляться пульт от телевизора. Её любимая игрушка, между прочим. Первое время я подолгу ходил по квартире и искал его, пока жена не подсказывала, где он. А лежал он всегда в одном и том же месте. Под диваном. Я каждый раз об этом забывал. Дочь — никогда.

Дальше — больше. Фигурки животных. В основном баран и свинья. Почему именно они — загадка. Потом мышь от ноутбука. Её я искал очень долго. А когда нашёл, понадобилась вся моя ловкость, чтобы её оттуда вызволить. Запихано было на совесть.

Всё бы ничего. Если бы не еда.

Дочь тащит под диван всё, что не доела. За несколько дней я достал оттуда полкураги, кусок огурца, немного хлеба и пару печенек.

И самое интересное — прячет она, только когда никто не видит. При нас лежит, спокойно грызёт свою курагу. Ничего подозрительного. Но стоит выйти из комнаты — тайник пополнился.

Мне советовали поставить под диван тарелку. Блюдце. Пусть складывает туда, хоть гигиенично будет. Поставил. Дочь аккуратно отодвинула тарелку в сторону и продолжила складывать на пол. Тарелка ей не нужна. Тарелка — это не тайник.

Потом я решил тайник ликвидировать. Просто всё оттуда вычищать. Думал, дочь поймёт: тайник раскрыт, тайник больше не тайник, смысла нет.

Не поняла. Таких попыток было ровно три.

Вот что я достал из-под дивана в последний раз. Опись, как положено:

— остатки огурца;
— засохший кусок яблока;
— половина кураги;
— игрушка, которая надевается на палец;
— шарик от ходунков;
— печенька;
— соска;
— огромное количество крошек;
— макароны;
— бумага. Разная.

С едой я ещё могу понять. Либо запасы на чёрный день. Либо наелась и отложила, чтобы потом доесть. Логика есть.

Но бумага?

Мы постоянно отбираем у неё картон и бумажки, чтобы не ела. Так она ещё и обои отрывать начала. Понемногу. Ак-

куратно. И всё это — под диван. Зачем? Тоже на потом?

Один раз под диван закатилась игрушка случайно. Дочь подошла ко мне и всем видом показала, что надо достать. Я лёг на пол и полез. Пришлось вытащить всё. До последней крошки. Она стояла рядом и контролировала.

В итоге я закрыл щель. Заткнул старым постельным бельём по всему периметру дивана.

Дочь посмотрела на это. Молча.

Есть курагу из-под дивана, конечно, невкусно. Но, по-моему, я лишил её пенсионного фонда.

Часть 5
Нормальная еда

Прикорм, банки, песни ради ложки кабачка. Сначала она не ест ничего. Потом ест всё. Между этими двумя состояниями — брокколи на стенах.

Глава 34
Пока не споёшь — не ем

Еды в рационе дочери стало больше. А вместе с едой появились и предпочтения.

Теперь, чтобы скормить ей банку кабачка, когда она настроилась на яблоко, нужны смекалка и терпение. Терпения у меня мало. Смекалки ещё меньше.

По телевизору часто крутили рекламу. Папа читает сыну стихи и кормит его с ложки. Я думал, это маркетинг. Чтобы детское питание ассоциировалось с прекрасным. С поэзией.

Оказалось, это инструкция.

Ребёнка надо заболтать. Отвлечь. Хоть с бубном танцуй. Он от удивления открывает рот — и ты туда ложку. Всё.

У нас работают песни. Раньше спасала погремушка. Одной рукой трясёшь над головой, второй кормишь. Погре-

мушка своё отслужила. Теперь только песни.

Причём дочь и тут разборчива. Мои мажорные лады на завтрак не годятся. А на ужин — в самый раз. Мамин голос хорош в обед и с утра. Репертуар утверждает она.

Стоит замолчать или поперхнуться — всё. Дочь находит занятие поинтереснее. Брокколи по стулу. По ближайшей стенке. По себе.

Когда мы дома вдвоём, всё просто. Жена поёт. Я кормлю. Дочь сыта, вокруг чисто.

Когда жена одна — пиши пропало. Пять приёмов пищи. Пять комплектов одежды в брокколи.

Можно, конечно, раздевать дочь перед едой. Но мы побоялись. Привыкнет. А потом в садике объясняй, почему она за стол садится без штанов.

Так что я пел. Каждый вечер. Голоса у меня нет, слуха тоже. Зато публика благодарная. Пока поёшь — ест.

Глава 35
Сеточка

Еды в жизни дочки с каждой неделей становится всё больше. А я до недавнего знал только два способа кормить ребёнка. Бутылочка и ложка.

И тут жена пишет мне в мессенджер одну фразу:

«Дим, купи ниблер».

И пропадает.

Что купить? Нельзя же такими словами огорашивать человека посреди рабочего дня.

Зашёл в аптеку.

— У вас есть ниблер?

Фармацевт посмотрела на меня так же, как я пять минут назад на телефон. Стали искать в интернете вместе. Нашли. Женщина старой закалки. Сказала, что тратиться незачем. Раньше такое делали из марли и горлышка от бутылки. И все выросли.

Я послушал лекцию. Поблагодарил. И пошёл в гипермаркет искать то, не знаю что.

Там консультант, к счастью, сразу поняла. На ценнике, оказывается, написано просто: «Сеточка для кормления». Никаких ниблеров.

Штука полезная. Ребёнок не откусит большой кусок и не подавится. А силиконовая ещё и дёсны чешет, когда лезут

зубы.

Мы пока додумались класть туда только банан. Дочь в восторге. Занимает её минут на пятнадцать-двадцать. Чисто при этом не бывает. Когда жевать надоедает, она начинает мять сеточку. И выдавливать банан на всё, до чего дотянется.

Для меня это было открытие. Даже не знаю, что ещё ждёт меня на этом пути.

Ждало ещё многое…

Глава 36
Что изыщет — то и съест

У нас новая проблема. Казалось бы, хорошо, когда ребёнок сам добывает себе пропитание. Но не в этом случае.

Дети всё тащат в рот. А когда появляется интерес к еде, становится ещё хуже. Раньше дочь лизнула игрушку и поползла дальше. Теперь ей обязательно нужно найти что-то съедобное. На полу.

Кормим мы её много и вкусно. Не голодает. Полы моем и пылесосим по несколько раз в день. Потому что в доме активный ребёнок и не менее активная кошка. Активная — потому что на неё охотится тот самый ребёнок.

И всё равно находит.

Вчера я просыпал чайную ложку сахара. Ровно в тот момент, когда дочь пыталась укусить меня за ногу. Сразу пропылесосил. Протёр мокрой тряпкой. Дочь весь день находила крупинки.

Делает она это виртуозно. Указательным пальцем вминает крупинку. Та прилипает. Через долю секунды палец во рту. А дочь расплывается в улыбке: родители не успели.

Кошачью миску теперь приходится прятать. Это цель номер один, если на полу нет крошек. Ещё немного — и прикручу миску к подоконнику.

Страшнее всего, когда не понимаешь, что она нашла. На

днях откуда-то достала пару зёрен гречки. Жевала их часа два. С наслаждением. Достать так и не удалось.

Хоть вообще на пол её не клади.

Изысканная у нас дочь. Что изыщет — то и съест.

Глава 37
Глаз дёргается сам

Дети — это счастье. Это все знают. Об этом пишут на открытках.

На открытках не пишут, от чего у родителей дёргается глаз. Я начал вести этот список, когда дочери было полгода. К году он сильно поменялся. Одни пункты ушли сами. Другие заиграли новыми красками.

Начнём с полугода.

Еда. Кормим строго по времени. Уже месяц как. Дочь об этом расписании, видимо, не знает. Сидит в стульчике, отворачивается, отбирает ложку, капризничает. Беру на руки — и тут же аппетит. Чего выделывалась три минуты назад? Неизвестно.

Есть она ест. С песнями, плясками и стихами. Но параллельно размазывает всё вокруг. Вчера было четыре приёма пищи. Итого: четыре застиранные кофточки, четыре раза отмытый стул и стены кухни. Только мы обрадовались, что закончились горы пелёнок, — пришло это.

Прогулка. Гуляем по времени, плюс-минус полчаса. Дочь на улице непредсказуема. Может проспать час, пока мы нарезаем круги у подъезда. А может, стоит отойти чуть дальше, через полчаса устроить такую истерику, что успокоить её на улице невозможно. И мы бежим домой. Наперегонки.

С коляской.

Сон. Жена скоро научится спать сидя на фитболе. Укачивание доходит до полутора часов. Одна в кроватке дочь спать отказывается наотрез. Только в обнимку с мамой. Или на руках у мамы. Папа, к сожалению, не подходит. Папа не умеет так качаться.

Капризы без причины. Мне говорили: сухой, сытый и здоровый ребёнок не плачет. Враньё. Сухая, сытая, здоровая, выспалась — и в истерику. На руках, в кроватке, на полу. В любом положении.

А теперь — почти год. Новый сезон.

Взрослая еда. Детскую она больше не хочет. Ей нужна наша. Причём именно та, что у меня в тарелке. Даже если у нас одно и то же. Я пробовал меняться с ней тарелками. Она тут же тянется к той, что теперь у меня. Выход нашли один: есть в разное время. И так, чтобы она не видела.

Изысканная кухня. Дочь ест только изысканное. Что изыщет — то и съест. С пола. Крошки, сахар, какие-то опилки. Однажды — кусок обоев. По её мнению, вкусный. Причём искать начинает сразу после полноценного обеда. Как будто специально оставляет место.

Подгузник. Надеть его стало невозможно. Она выпрыгивает, уползает, сползает с кровати, прячется под одеялом. Особенно утром. Я сонный и медленный. Она бодрая и быстрая. Счёт в её пользу.

Туалет. Это больное. Все любят уединение. Только не у

нас. Стоит закрыть за собой дверь, дочь ползёт к ней и с воплями пытается открыть. Думаю, переняла у кошки. Ту тоже бесит, когда кто-то закрылся. Когда родителей двое, ещё можно договориться. Когда я один — никак.

И последнее. Самое свежее.

Кусь. Раньше она шлёпала по лицу. Теперь кусается. С таким смаком, с таким удовольствием, как хищник. И момент выбирает как хищник.

Решил я как-то помыть посуду. Дочь в соседней комнате чем-то увлечена. Я стою у раковины, задумался о своём.

Кусь за пятку.

Итог: минус одна тарелка, перепуганный отец и очень довольная дочь.

Глаз у меня с тех пор дёргается сам. Без всякого повода. На всякий случай.

Глава 38
Бросила, подняла, положила

С едой у детей всегда что-то не так. У взрослых просто. Захотел — поел. Не понравилось — не ешь.

С ребёнком с полугода начинается жесть. То танцы с бубном, чтобы приоткрыла рот. То вертится как юла, и ложкой в рот не попасть. То стены в брокколи. Стул в брокколи. Родители в брокколи.

Мы всё это прошли. Только выдохнули. И тут новая беда.

Обед. Гречка с цыплёнком и немного овощного микса. Гречку она съела без вопросов. А на овощах начала хитрить.

Рот открывает широко. Охотно. Я кладу ложку. Даю время пожевать.

Она не жуёт. Сидит. Смотрит на меня с каменным лицом.

Стоит мне отвести взгляд — рукой достаёт всё изо рта и грациозно скидывает на пол.

И снова открывает рот. Широко. Охотно. Следующую ложку, пап.

Хитрюга мелкая.

Иногда она делает это без всякой цели. Между делом. Просит яблоко. Мы не жадные. Отрезали, почистили, дали. Хрумкает. Довольная. Минут через десять я смотрю на пол. Там лежат маленькие откусанные кусочки. Если постараться, из них можно собрать яблоко обратно. Целиком. Она не

проглотила ни грамма.

Жена взялась за воспитание. Показывала дочери на пол. Объясняла, что так нельзя. И велела собирать за собой. Хотя бы на тумбочку складывать.

Вторую часть дочь поняла сразу.

Теперь она бросает кусок на пол. Слезает. Поднимает. Кладёт на тумбочку. Возвращается. И бросает следующий.

Порядок у нас теперь идеальный. Еды в ребёнке по-прежнему ноль.

Глава 39
Право выбора

Нам, родителям, много не надо. Нам надо, чтобы ребёнок был сытым. Всё.

Ребёнок сытым быть не хочет. Судя по поведению за столом.

Рот на замке. Голова отвёрнута. Ложка летит в сторону. Как кормить человека, у которого во рту крышка?

Сначала мне посоветовали попробовать еду самому. Мол, вы сами-то это ели? Я попробовал. И правда: кое-что было невкусным. Брокколи, например. Брокколи мы из рациона убрали. С облегчением, кстати, не только для дочери.

Не помогло. Дочь всё чаще отказывалась даже от вкусного.

Тогда мне подкинули новую идею. Дать ребёнку право выбора. Пусть сама решит, что будет есть.

Я отнёсся скептически. Но так совпало, что в холодильнике одновременно оказалось несколько блюд. В другой день я бы на такое не пошёл.

Первая попытка — гречка с мясом. Мимо. Капризы, вертелась на стуле, выплёвывала всё обратно.

Ладно. Включаем шведский стол.

Перед дочерью на выбор:

1. Гречка с мясом. Та самая, отвергнутая.

2. Рис. Пустой. Мясо наготове, чтобы добавить, если выберет.

3. Запеканка из кабачков с адыгейским сыром.

Кабачки дочь не ест. Ни в каком виде. Никогда. Это проверено.

Начала она с запеканки.

Сама. Руками. Грязно — да. Но сама выбрала и сама ест. Без песен, без плясок, без стихов.

Расправилась с кабачками. Посмотрела на остальное. Видимо, решила, что маловато будет. И взялась за гречку с мясом. Ту самую, от которой десять минут назад плевалась.

За считанные минуты съедены запеканка и гречка.

К рису даже не притронулась. Рис проиграл.

Я сидел и смотрел на пустые тарелки. Никаких танцев с бубном. Ребёнок сытый. Довольный. Отвалился от стола.

Выходит, дело было не в еде. Дело было в том, кто решает.

Решать у нас в семье, похоже, будет она.

Глава 40
Банок больше нет

Когда дочке исполнился год, у нас в голове щёлкнул тумблер. Теперь ей можно почти всё. Можно экспериментировать. Можно всей семьёй есть одно и то же.

До года её рацион состоял в основном из баночек. Сейчас баночек не осталось вовсе. Вкусняшки не считаю.

Едим четыре раза в день.

Утром — каша. Любая: рисовая, овсяная, из пяти злаков. С фруктами, какие найдутся в холодильнике. Завтраки проходят на ура.

В обед — суп или второе. Суп хорош тем, что в него можно спрятать любой продукт. И он будет съеден. Супов в её репертуаре три: куриный с паутинкой, чечевичный и гречневый.

Третий приём пищи должен отличаться от второго. Был суп — будет второе. И наоборот. Гарнир — макароны, гречка, рис, кускус, картошка. Мясо на пару, чаще курица. Говядину пока не даём: на неё высыпает.

На ужин снова каша. Специальная, чтобы спалось крепче. С парой печенюшек.

Между ними — перекусы. Фрукты, печенье и обязательно маленькая пачка творога.

Из открытий. Впервые съела брокколи. Раньше чувство-

вала её в любом блюде и отказывалась от всей тарелки. А тут с кускусом — до последней ложки.

Рыбу и кабачок из баночек она раньше выплёвывала. А домашние просит добавки. Минтай на пару с кускусом зашёл. Запеканка из кабачков с адыгейским сыром — на ура. Котлетки из кабачка с морковкой исчезли так быстро, что она сама не заметила.

Покупной сок заменили домашним компотом. Яблочным или из кураги с черносливом.

Новые продукты мы больше вводить не боимся. Перестали параноить. Если где-то высыпает, педиатр говорит: «В этом возрасте детей всегда на что-то высыпает».

А детское печенье я как-то решил испечь сам. Нашёл рецепт, где фоточки посимпатичнее. Тесто вышло липкое и противное. Хотя я бывший повар пиццы. Печенье получилось так себе. Половину я съел сам. Со сгущёнкой.

Так что основной повар для дочки у нас мама. А за мной закрепилась другая должность. Дегустатор неудачных экспериментов.

Глава 41
День, когда я не кормил дочь

Бывают периоды, когда дочь отказывается от любой еды. Это не только у неё, кстати. У жены тоже бывает.

Обычно мы списываем всё на зубы. Пара дней — и аппетит вернётся. Но в этот раз затянулось. Неделя. Целая неделя без аппетита.

Мы сажали её в стульчик. Предлагали еду. Иногда даже несколько блюд на выбор, как в прошлый раз. Не работало.

Поковыряется везде. Раскидает по всей кухне. В рот от силы пара ложек. И на том спасибо. Даже вареники не спасали.

Честно — устали.

И я решил: всё. Не предлагаю ей еду вообще. Захочет есть — сама попросится на стульчик. Или меня укусит, в крайнем случае. Но как-нибудь даст знать. Должен же ребёнок когда-то захотеть есть.

Утро.

Обычно в выходной мы завтракаем около восьми.

9:00. Никакого намёка на голод. Один раз попросила попить.

10:00. Сама подошла и села на стульчик.

Я показал ей пачку каши быстрого приготовления. Спросил: будешь? Вроде согласна.

Съела полную тарелку. Не пролив ни капли мимо.

Ага, подумал я. Голодом тебя морить, что ли, чтобы аппетит был? Работает же.

Дальше всё пошло не по плану.

В обед есть она не собиралась. После дневного сна тоже. Даже прогулка не помогла. А прогулка была хорошая. Все лужи на районе собраны. После такого любой нормальный ребёнок должен проголодаться.

Не проголодалась.

Вечер. Около семи. За весь день — одна тарелка каши утром и вода.

И тут она снова бежит к стульчику. Садится. Ждёт. С до-

вольным, слегка хитрым лицом. Будто спрашивает: ну что, кто кого?

Предложил гречку с курицей. Отказалась.

Предложил суп. Отказалась.

Предложил творог. Согласилась.

Съела маленькую детскую пачку творога. Закусила кусочком яблока.

Всё. На этом день закончился. В девять она легла спать.

Итог. Тарелка каши. Пачка творога. Кусочек яблока. Вода.

Я этот эксперимент затевал, чтобы понять дочь.

Не понял. Понял только одно: кто кого — это была не фигура речи.

Глава 42
Неделя открытых сладостей

Дочь очень неравнодушна к сладкому.

Стоит ей увидеть конфету или печенье в руках у родителей — всё. Красная тряпка. Надо срочно откусить. Даже если у неё в руке точно такое же.

А если это что-то совсем сладкое и совсем вредное, приходилось прятаться. Есть втихушку. На кухне. Спиной к двери. Как будто мы не родители, а заговорщики.

Запретный плод сладок. Чем строже запрет, тем сильнее хочется.

Мне надоело шифроваться. И я решил действовать от противного.

Пусть сладкое будет в открытом доступе. Бери когда хочешь. Ешь сколько хочешь. Запрет исчезнет — исчезнет и интерес. Логично же.

Жена логику не оценила.

Сошлись на компромиссе. Доступно не всё. Только то, что, по нашему мнению, навредит меньше всего.

Простое печенье. Сухое, без начинки.

Мармелад из фруктов и ягод без сахара. Но очень сладкий.

Печенье с небольшим количеством шоколада.

Всё это сложили на тарелку. Поставили в шкаф, до кото-

рого она может достать. И объявили: бери.

Первый день надо было видеть.

По ощущениям, мы весь день провели на кухне. Дочь от шкафа не отлипала. Нормальную еду ела с боем. Зачем суп, когда в шкафу печенье.

Утро второго дня. Дочь проснулась и первым делом потопала. Не на горшок. За конфетой.

Но потом интерес начал утихать. Понемногу. Зато она хорошо пообедала. И прекрасно поужинала.

Тарелка в шкафу всю неделю то пустела, то пополнялась. Но с каждым днём всё медленнее.

К концу недели шкаф её больше не интересовал. Совсем. Проходила мимо.

Победа, подумал я. Эксперимент удался. Пора ставить жирную точку.

Цель-то какая была? Чтобы она охладела к сладкому. И перестала отбирать конфеты у родителей.

Я демонстративно достал одну конфету. При ней. Развернул.

Дочь тут же подошла и попросила поделиться.

Что-то всё-таки пошло не так.

Видимо, дело было не в конфетах. Дело было в том, что они у меня в руках.

Глава 43
Заначка на холодильнике

На холодильнике у нас складируется то, чем мы редко пользуемся. Или не пользуемся вообще. Мы оба невысокого

роста. Что там творится наверху, нам не видно. И мы туда не смотрим.

Иногда я провожу там инвентаризацию. Выкидываю лишнее или ищу что-то нужное.

В тот раз я полез за клеевым пистолетом.

И сразу про него забыл.

На холодильнике стояло блюдце. На блюдце лежал шоколадный батончик.

Я стою и думаю. Зачем? Зачем жена положила сюда конфету? И лежит она тут давно. Такие батончики мы не покупали уже очень давно.

Если бы конфета просто валялась — ладно. Закатилась, забыли. Но нет. Она лежит на блюдце. Аккуратно. Как подношение.

Жены дома не было. Спросить сразу не получилось. Пришлось гадать.

От дочери так высоко не прячут. Дочь туда не залезет ещё лет пять. От меня прятать бесполезно. Я сладкое нахожу по запаху.

Значит, цель другая. Какая?

Жена пришла. Я усадил её за стол.

— Дорогая. Ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Нет. Ты о чём?

— Да тут выяснилось, что ты от меня кое-что скрываешь.

Жена держалась. Пока я не спросил прямо: зачем ты прячешь конфеты на холодильнике?

И она раскрыла секрет.

Это не заначка. Это ритуал. Она подкармливает домового.

Пауза.

— Какого домового? С чего ты взяла, что он у нас есть?

И жена рассказала. Пока я был на работе, в квартире происходили странные вещи. Китайские музыкальные игрушки включались сами по себе. Старые книжки с песнями вдруг начинали играть. Сами. Без нажатия. И издавали непонятные звуки.

— Там просто что-то коротит, — сказал я. — Они неисправные. Выкинуть надо.

— Самое интересное, — сказала жена, — что после того, как я положила туда конфету, игрушки больше не включаются. Так что пусть лежит.

Я пытался спорить. Про батарейки. Про контакты. Про китайское качество.

Переспорить жену я так и не смог.

Как и съесть ту конфету.

Домовому, видимо, нужнее.

Глава 44
Холодильник высоко

Было время, когда я жаловался, что ребёнок не ест.

Мы изворачивались. Уговаривали. Пользовались запрещёнными приёмами. Жена пела песни и читала стихи. Я в это время успевал закинуть ложку супа в зазевавшийся рот. Работали в паре, как сапёры.

Это время прошло.

Теперь у нас обратная беда. Аппетит. Я бы даже сказал — зверский.

Ест Полина четыре раза в день. По часам. Между ними перекусы. Свои порции съедает за милую душу. А потом начинается.

Каждые пятнадцать минут она берёт кого-нибудь из родителей за руку и ведёт к холодильнику. Молча. Подводит. Показывает пальцем. Ждёт.

Что дадут — без разницы. Главное, чтобы съедобно.

Я никогда так не радовался, что дверца холодильника высоко. Дотянулась бы — всё. Мы бы остались без ужина. И без завтрака.

Родственники рассказывали нам про такое ещё давно. У них ребёнок тоже ел всё подряд. Мы тогда отмахивались. Радуйтесь, мол, что аппетит хороший. А сами в это время пели песни, чтобы впихнуть в дочь ложку супа.

Сейчас этот аппетит плюсом не кажется.

Мы попробовали увеличить порции в основные приёмы пищи. Чтобы наедалась сразу и не ходила к холодильнику.

Не вышло. Лишнее она просто не ест. Оставляет на тарелке.

А через пятнадцать минут берёт меня за руку. И ведёт.

Часть 6
Пошли

Табуретка, ходунки, первые шаги и первый день рождения. Горшок за восемьдесят рублей и бассейн с пятой попытки. Именно тогда у меня появилась мечта. Полежать на диване.

Глава 45
Табуретка не годится

Врачи против ходунков. Ортопеды, неврологи — все. Я об этом много читал.

Логика такая. Родители сажают ребёнка в ходунки и идут по своим делам. Ребёнок гоняет по квартире. Вроде безопасно. Но позвоночнику рано. А родителям удобно. Вот это «удобно» врачам и не нравится.

Мы и сами попадались. Месяц назад Полина попыталась сесть. Мы обрадовались. Всё, сидит! Можно сажать на колени, подпирать подушками. Оказалось, нельзя. Сидеть она должна научиться сама. Устойчиво. А не потому, что папа подпёр.

Урок мы усвоили. Ненадолго.

На днях дочь попыталась встать.

Мотивация — провода на тумбочке. Она к ним тянулась так, как я тянусь к дивану после смены. Опора — табуретка. Дочь вцепилась в неё и поднялась. Качается. Сияет. Смотрит на провода.

Табуретка в роли опоры меня не устраивала. Провода в роли цели — тем более.

Надо было срочно что-то делать. Сажать в ходунки — рано. Но дать устойчивую опору и что-то поинтереснее проводов — надо.

В «Детском мире» нашли ходунки-толкалку. Это не те, в которые сажают. Это тележка на колёсиках. Ребёнок держится за ручку, толкает её перед собой и идёт следом. Устанет — сел на пол. Никто не держит.

Полина оценила сразу. Там кнопки, крутилки, шарики. Всё блестит и гремит. Встала, вцепилась. Стоит.

Пока она только стоит. Но я уже вижу, как она пойдёт с этой тележкой по квартире. Медленно. Сосредоточенно. Как бабушка с ходунками в поликлинике.

А провода с тумбочки надо было убрать ещё вчера.

Глава 46
Дальше сама

С ходунками-толкалкой мы были довольны. Ровно до того дня, когда дочь начала носиться.

Не ходить. Носиться. Вдоль опоры. По квартире. Со скоростью света. И падать отовсюду.

В толкалку ребёнка не посадишь. Она просто едет вперёд, а Полина летит следом. Иногда тележка доезжает до стены раньше. Иногда Полина.

Мы задумались о настоящих ходунках. Тех самых, против которых врачи.

После очередного падения Ксюшина сестра дала нам ходунки своей дочки. На время. Попробовать.

Посадили мы Полину. Отрегулировали. Отошли.

— Ну всё. Дальше сама!

Дочь посмотрела на нас. Потом на ходунки. Потом снова на нас.

Как это — сама?

Стоит. Не шевелится. Ногами не перебирает.

Единственное, что ей понравилось, — когда кто-то из родителей толкает ходунки сзади. На высокой скорости. По всей квартире. С визгом. Её визгом, не нашим. Хотя иногда и нашим.

То есть ходунки она восприняла как такси. Сидишь, тебя

возят.

А ещё было видно, что тряпичное сиденье давит ей на ноги. Как ни регулируй.

Ну их, решили мы. Раньше дети как-то научились ходить без ходунков. И наша научится.

Ходунки вернули. Хорошо, что не купили сами.

Полина продолжила носиться вдоль дивана. Падать. Вставать. Падать снова. Без всяких приспособлений. Как все нормальные люди.

Глава 47
Первый год

Первый день рождения дочери мы начали планировать задолго. Обсуждали, придумывали, меняли планы. Мир вокруг тоже менял нам планы. В итоге остановились на простом варианте. Домашние посиделки. Только близкие.

Утро дня рождения. Пятое июня.

Готово было ничего.

Вообще ничего. Ни продуктов. Ни украшений. Ни наря-

дов. Столько планирования — и пустой холодильник.

Утро началось с беготни.

Жена поехала забирать платья. Два. Сшитые на заказ. Себе и дочке, одного цвета. И торт. А мы с Полиной покатили в поликлинику. Сдавать анализы и ставить прививку. Отличный способ начать праздник. Именинница, правда, была в настроении весь день. Кажется, она точно знала, что этот день — её.

Ещё на берегу мы приняли решение: не готовим. Совсем. Праздник — это отдых. А не сутки у плиты и потом ещё сутки уборки. Так что прямо из поликлиники я заказал шашлык на большую компанию. И роллы. Конечно, роллы. Салаты взяли готовые в магазине. Шары должны были привезти к трём.

Галочки в списке дел ставились одна за другой. Оставалось украсить фотозону, докупить мелочи и накрыть стол.

Готовила жена только одно. Торт для дочки. Специальный. Который можно есть только ей. И как ей захочется.

Праздник начался.

На телевизоре без перерыва шла любимая Бурёнка Даша. Дочь пила любимый сок. Столько, сколько хотела. И делала то, что хотела. Это был её день, и правила устанавливала она.

Лучшим подарком оказались шарики. Дочь была от них в восторге.

А мне в этот день пришлось перебороть свой страх. Я шариков побаиваюсь. Но тут деваться было некуда. Их было

много. Я держался.

С другими детьми дочь не общалась. Была девочка двух лет и мальчик четырёх. Дочь посмотрела на них и решила, что ей и без них хорошо.

Главным моментом был торт.

Я этого момента ждал больше всех. Торжественно вынесли. Одна свечка. Поставили перед дочкой.

И отдали на растерзание.

Её счастью не было предела. Первым делом она с огромной скоростью съела все ягоды сверху. Потом взялась за сам торт. И почти справилась с половиной. Почти. Руками. Лицом. Всем телом.

К вечеру родители выдохлись.

Но дочь стойко отпраздновала. Весело. До конца. Проводила всех гостей.

И отправилась спать. Год. Целый год.

А мы остались среди шариков. Я их уже почти не боялся.

Именно тогда, среди шариков, у меня впервые появилась мечта. Простая. Полежать на диване. Тогда я ещё не знал, что это самая недостижимая мечта в моей жизни.

Глава 48
Горшок за восемьдесят рублей

Тему подгузников в блоге обсуждали жарче всего. Такие баталии, что не вклинишься. И периодически проскакивало что-то из области фантастики:

— Как, в полгода ещё не на горшке?

— В три месяца все дети уже должны уметь пользоваться горшком!

Было весело.

Впервые всерьёз мы с женой обсудили горшок, когда дочке было полгода. Жена вычитала, что осознанно ребёнок начинает проситься где-то к полутора годам. Плюс-минус. Но точно не в три месяца. И не в шесть. И даже не в год.

В год ребёнок спокойно может надеть горшок себе на голову. Или родителям. Вместе с содержимым. Оно нам надо?

Ещё мы узнали, что горшки бывают с музыкой, горшки-стулья, горшки-кроватки. Хорошо хоть не горшки-столики: поел и сразу сделал дела. Мы решили, что горшок должен быть горшком. Без наворотов.

И вот наконец купили. За восемьдесят рублей.

Если дочь когда-нибудь сядет на него сама и использует по назначению, это будет лучшая покупка года.

Говорят, сначала ребёнок должен привыкнуть к горшку как к части интерьера. Мы показали ей, как он работает. На

игрушках. Со всей серьёзностью. Озвучивали все процессы. Оба. Вслух.

Дочь новую игрушку оценила.

Пусть пару месяцев привыкает. А там начнёт ходить — и попробуем.

Знал бы я, сколько луж нас ждёт впереди, купил бы два горшка. И диван попроще.

Глава 49
Сама выбрала

Кстати. Полина теперь ходит.

Сама. И очень много. Я выдохнул. Ненадолго, потому что теперь за ней надо бегать.

Но история не про это. Она про моду.

Последнее время дочь меряет вещи. Крутится у зеркала. Любуется. И я решил впервые дать ей выбрать наряд на прогулку. Самой. В год и два месяца. Посмотреть, есть ли у неё вкус.

Была и вторая причина. У жены всё просто. Собираемся гулять — оп-оп, из комода вылетают нужные вещи. Я подхожу к этому ящику — и теряюсь. Он бездонный. Там всё. И ничего.

Так что делегировать я решил с удовольствием.

— Полина, гулять пойдём?

Оживилась. Засуетилась.

— Пошли выбирать, в чём ты пойдёшь!

Лицо у неё было такое: чё?

Я открыл ящик и сел на кровать. Руководить процессом. Чтобы дочь не вывернула всё наизнанку, задавал наводящие вопросы.

— Куртку какую? На улице холодно.

С курткой было очень сложно. Несколько минут разду-

мий. Колебания. Выбор пал на пёструю.

Потом нашлись тапочки. Для прогулки они не годились совсем. Но дочери было очень нужно. Я не спорил. Надели. Тапочки ей не понравились. Заменила другими. Тоже тапочками.

— Штаны какие?

Порылась. Нашла джинсы.

— А шапку будешь?

Тут без раздумий. Белая. С помпонами.

Получилось вот что. Пёстрая куртка. Джинсы. Тапочки. Белая шапка с помпонами.

Я сфотографировал. Для истории.

А дочь посмотрела в зеркало и расстроилась. Сильно. Наряд ей не понравился. Хотя выбирала сама. От и до.

Девочка. Что тут скажешь.

Глава 50
Первый день без подгузника

Помните горшок за восемьдесят рублей? И лужи, на которые я намекал? Пришло их время.

Про горшок мы говорили не раз. Но до дела не доходило. И вот я в отпуске. Значит, могу помочь жене. Вдвоём сподручнее, когда надо одновременно смотреть за ребёнком и убирать квартиру.

Цели у нас не было. Просто посмотреть, как дочь отреагирует на мокрые штаны.

Дочке год и два. На горшок она сходила за всю жизнь два раза. И ничего зазорного мы в этом не видим.

Утро. Проснулись дочь и я. Именно в таком порядке. Умылись.

Подгузник заменили на обычные трусы. Дочь сильно удивилась. Двигаться стала свободнее. Подгузник всё-таки сковывает.

По советам знающих людей я сразу после умывания посадил её на горшок. Безрезультатно. И даже с протестом. Хорошо хоть на голову не надела. Ни себе, ни мне.

Через пару часов — первая лужа на ковре.

Этого я и боялся. А дочь, оказывается, тоже не была готова. Привыкла, что всегда сухо. А тут мокро, непонятно и страшно. Слёзы. Разочарование. Дочкины. Не мои. Пока.

Я попытался объяснить, как устроен этот мир. Показал горшок. Даже изобразил процесс. В ответ получил взгляд человека, который вообще не понимает, чего от него хотят.

Тут проснулась жена. И мы вдвоём начали подтирать лужи. Как назло, жара. Дочь пьёт много воды. Результат понятен.

Итоги дня.

В горшок попали один раз.

Закончились все штаны, шорты и трусы.

Лужи появились на диване, на ковре, на кровати, на стульчике для кормления и даже в коляске.

К вечеру плакать хотелось уже нам.

Я честно не понимаю, как люди жили без подгузников. И как продолжают так жить.

Продолжать сейчас или подождать до полутора лет — пока не решили. Но что нас ждёт, поняли.

А диван, на котором я мечтаю полежать, теперь тоже хранит воспоминания об этом дне. Лежать на нём мне всё ещё хочется. Но уже не так сильно.

Глава 51
Пятьдесят три тысячи

Период «без подгузников» объявлен открытым. В день уходит один-два. Чаще один. Всё остальное время — пешком на горшок.

Ура. Небольшое облегчение для семейного бюджета.

И тут я решил посчитать, сколько мы на эти подгузники потратили. В порядке бреда. Дочери год и четыре.

Цены усреднённые. Вспомнить, где какую пачку я урвал по акции, а где шиканул, невозможно.

До четырёх месяцев подгузники отлетали со свистом. По десять штук в сутки. По пятнадцать рублей. Сто двадцать дней. Тысяч восемнадцать.

Потом обороты сбавились. Шесть-семь в день. До года — ещё двадцать три с лишним.

С года до сегодня — около двенадцати.

Итого пятьдесят три тысячи рублей. За шестнадцать месяцев. Если с математикой у меня всё в порядке. А в порядке у меня с ней бывает не всегда.

Много это или мало — каждый решает сам.

Меня больше интересовало другое. А что, если бы мы вообще обошлись без подгузников? Сэкономили бы?

Посчитал и это.

Минус диван. Тридцать пять тысяч.

Минус матрас. Около десяти.

Минус коврик в зале. Две.

То на то и вышло бы.

А смог бы я скопить эти пятьдесят три тысячи и купить что-то ценное? Однозначно нет. Разлетелись бы по мелочам.

Так что подгузники я считаю вложением. В диван. Диван мне ещё пригодится. Я на него, между прочим, очень рассчитываю.

Глава 52
С пятой попытки

В бассейн мы собирались полгода.

Идея появилась, когда Полине было месяцев шесть. Была зима. Мы, как заботливые родители, решили: до тепла никуда. Выйдет мокрая, простынет.

Дождались тепла. Пришла «корона». Закрыли всё. Не то что бассейн — из дома не выйти.

Открыли. Мы, по дурости, прокололи дочери уши. Бассейн отодвинулся ещё на месяц.

Отложили деньги. Сдали анализы, которые нужны для бассейна. У дочери поднялась температура. Отложили.

Съездили на горячий источник. Мочки под серёжками покраснели. Поликлиника. Бассейн — на неопределённый срок.

Наладилось. Появилась сыпь, похожая на ветрянку. Врач на дом.

Пятая попытка. Я уже думал бросить эту затею. Вселенная явно говорила: нечего вам, ребята, там делать.

Но мы упорные.

И вот первое занятие. Я на работе, так что со слов жены.

Пришли сильно заранее. Боялись опоздать. Осмотрелись. Раздевалки, фены, дети с восторгом бегут плавать. Полина тоже с восторгом.

Полчаса с тренером. Не просто барахтаться — система упражнений.

Минут двадцать всё было хорошо.

Потом началось:

— Ма-ма-ма-ма-ма…

Без остановки. Сквозь слёзы. Занятие кое-как закончили.

Второе — с опаской. И не зря. Всё занятие дочь рвалась к маме. Упражнения делать отказывалась. В бассейне находиться отказывалась.

Мы подумали сменить тренера. Спросили администрацию. Там ответили спокойно:

— Это адаптация. Часто бывает. Тренер ни при чём. Готовы потерпеть слёзы — ждите. Нет — возьмите перерыв, пока подрастёт.

А ещё в договоре нашёлся пункт. Если ребёнок отказывается заниматься, занятие всё равно засчитывается.

То есть полчаса слёз стоят столько же, сколько полчаса плавания.

На третьем слёз уже не было. Но ленилась дочь страшно.

Тут у меня выдался выходной. Совпал с занятием. Пойду, решил я. Посмотрю сам, в чём проблема.

Перед бассейном я её накачивал. Это круто. Я очень хочу посмотреть, как ты плаваешь. Полина слушала молча. Кажется, даже кивнула.

Самый трудный момент — передать ребёнка тренеру.

Дочь грустно посмотрела на нас. Ни звука. Помахала руч-

кой. То ли прощалась, то ли передавала привет из бассейна.

Немного поленилась. А потом начала вытворять такое, что я тыкал жену в бок. Смотри! Смотри, как умеет! Жена всё видела. Она на всех занятиях это видела. Но я тыкал.

Полина то и дело поглядывала на нас. Ждала аплодисментов. Как дома, когда у неё что-то получилось.

В итоге она не хотела вылезать из воды.

А нам говорили — не может, не хочет. Ей просто нужны были зрители.

Глава 53
Мама, пыс-пыс

Полине ровно полтора. Большая уже.

Я даже стал говорить ей: давай-ка сама, ты ж большая.

Раз большая, то и разговаривать с ней надо как с большой. Я и разговариваю.

— Полина, ёлки-палки, ты же знаешь, что это в горшок надо! Почему опять на ковёр?!

Мне кажется, эту фразу она выучит раньше, чем «папа, я тебя люблю». От этого немного грустно.

На самом деле горшочные дела идут хорошо. Ожидание было сильно страшнее реальности.

Без промахов, конечно, не обходится ни дня. Но всё чаще дочь сама понимает, что пора, и просится. Срывается обычно, когда она чем-то увлечена. Рычажок не срабатывает. Поздно.

С большими делами пока хуже. Процентов двадцать в цель. Остальное — сюрприз.

Но вот главное.

Три часа ночи. Тишина. Все спят.

Дочь просыпается. Встаёт у бортика кроватки. И чётко, по-взрослому:

— Мама, пыс-пыс!

Жена вскочила. Горшок. Дело сделано. Полина сама от-

вернулась к стенке и уснула.

А мы с женой ещё полчаса лежали и не могли уснуть. От восторга.

Ребёнок проснулся ночью, сходил в туалет и спит. Это всё. А мы радуемся, как будто она институт окончила.

Обратите внимание. Ночью она звала маму. Папа, видимо, по пыс-пысу не специалист.

Глава 54
Кустов в городе нет

Подгузничная тема снова в строю. Я думал, всё позади. Оказалось, веселье только начинается.

Днём дома дочь давно без подгузников. Промахов почти не бывает. Как у хорошего футболиста в лучшие годы. Но на ночь и на улицу подгузник всё-таки надевали. Для подстраховки. И для нашего спокойствия.

А дочке скоро два. На улице жара. Через пару месяцев садик. И жена решила: пора отказываться совсем.

Вопросов «а как?» у меня теперь больше, чем когда дочь только родилась.

Раньше прогулка была удовольствием. Теперь я всю прогулку жду ЧП.

Помните, когда Полина ещё лежала в кроватке, я гадал, в какой туалет её вести — в мужской или в женский? Теперь у меня есть ответ. В тот, какого пола родитель. Когда «уже надо», не до размышлений. Идёшь туда, где всё ясно.

С улицей сложнее. Девочка же. Говорят: в кустики. А вот нет кустиков, когда надо. В городе вообще кустов нет. Одни деревья. И на каждое дерево смотрит двести окон. Осуждающе.

Ещё есть клумба, на которой добрая бабуля старательно выщипывает травинки. Но в этот момент её доброта испа-

рится. Уверен.

Вчера. Далеко от дома. Общественных туалетов рядом нет. Дочь сообщает: пора бы слить лишний сок.

Паника. Взглядом оцениваю каждый угол в округе. Цель найдена. Только посадил — из ниоткуда мужик. Просто мимо шёл.

Дочь смутилась. От процедуры отказалась. Умница, дотерпела до дома.

А я понервничал знатно. А если бы не дотерпела? А если в дороге?

Как вообще люди с этим справляются?

Привет из будущего. Справились. Как — не помню. Видимо, психика защитила.

Часть 7
Заговорили

«Мама», «дай», «Дима!». Полтора года, два. Она понимает всё и повторяет всё. Особенно то, что не надо. Папа всё ещё повар и приходит домой в двадцать два двадцать.

Глава 55
Мама. Потом папа

Три месяца мы её доставали.

— Полина, скажи «мама»!

— Полина, скажи «папа»!

Каждый день. Утром, днём, вечером. Дочь смотрела на нас как на двух странных людей, которые зачем-то повторяют одно и то же.

Потом начало получаться что-то похожее. «Аааа». С какой-то примесью. Мы радовались каждой примеси.

А в семь месяцев мы её, видимо, окончательно достали. И она сдалась.

Первой была мама. Тут без вопросов. Девять месяцев носила. Семь месяцев качает на фитболе. Научилась спать с от-

крытыми глазами. Научилась почти не спать. Заслужила.

Через пару недель дошла очередь и до меня. Я в этот момент был на работе. Жена прислала видео. На видео дочь очень старается. Буква «П» даётся ей тяжело. Но я-то знаю, кого она имела в виду.

Счастью не было предела.

Сначала эйфория. Цель достигнута. Потом ступор. Смотришь на этот комочек и думаешь: «Эй, ты ещё и говорить умеешь?»

Вчера это был младенец. А сегодня передо мной человек. Который растёт, учится и умнеет. Причём, кажется, быстрее меня.

Я почитал, что к году ребёнок должен знать слов десять. Мама, папа, баба, дай. А нам почти восемь месяцев. Надо срочно вручить ей букварь, словарь и учебник геометрии. Пусть пока пожуёт.

Следующие на очереди: «баба», «киса», «кака» и «дай».

Был у меня в планах ещё один пункт. Научить её паре крепких слов. Но это я решил отложить. Чуть-чуть.

Забегая вперёд: учить не пришлось. Садик справился без меня. А взамен плохих слов Полина потом придумает свои. Еловые шишки, например. Но до этого ещё дожить надо.

Глава 56
Записка и кошка

22:15. Я иду с работы и прохожу под окнами своей квартиры.

Что-то не то.

Света нет. Ни в одной комнате.

Обычно на кухне горит свет. Жена разогревает ужин к моему приходу. А тут темнота. Везде.

Ладно, думаю. Тяжёлый день. Уложила дочь и легла сама. Бывает.

Подъезд. Почтовый ящик. Тамбурная дверь. Дверь в квартиру. Открываю тихо. Крадусь как мышь. Не дай бог разбудить. Девчонки, наверное, умаялись.

Переоделся в темноте. Пошёл на кухню искать еду.

А там пусто.

Ни ужина на плите, ни кастрюли в холодильнике. Странно. Неужели настолько тяжёлый день?

Заглядываю в спальню.

И там никого.

В смысле?

Сердце начинает стучать чаще. Включаю свет в спальне. В прихожей. Иду в зал.

В зале на своём привычном месте лежит кошка. Смотрит на меня.

И больше никого.

Только тут я заметил на тумбе в прихожей записку. Не увидел сразу, потому что свет в прихожей не включал. Крался же.

Записка была от жены. Мы уехали в деревню.

А ниже — список. Это отдельный разговор. Жена наки-

дала мне домашнее задание. На каникулы.

Вот так сюрприз. То она приезжает, не предупредив. То уезжает, ничего не сказав.

Нет, справедливости ради, поездку мы обсуждали. Недели полторы назад. В планах она была. Но конкретную дату никто не называл.

Я позвонил жене. Рассказал, что пережил за последние пять минут. Как крался. Как искал еду. Как искал семью. Как нашёл кошку.

Посмеялись вместе.

Оказалось, всё вышло случайно. Родня как раз собиралась ехать в ту сторону. И жена не растерялась, напросилась с ними.

После разговора она прислала пару фотографий дочки. Чтобы я улыбнулся и спал спокойно.

Дочь на фотографиях валялась на кровати и вставать явно не собиралась. В шапке. Шапка была отдельным произведением искусства.

Я улыбнулся.

Им хорошо. Значит, и мне хорошо.

В тот вечер я так и не написал ни строчки. Все мысли закончились разом.

Остались только я, кошка и список.

Кошка на этот список даже не взглянула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.